

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

ПРИЧИНА
ОСТАТЬСЯ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ОДНА ИСТИННАЯ КОРОЛЕВА»

Young Adult. Причина любить.
Романтика Дженнифер Бенкау

Дженнифер Бенкау
Причина остаться

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

Бенкау Д.

Причина остаться / Д. Бенкау — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Причина любить. Романтика Дженнифер Бенкау)

ISBN 978-5-04-180914-0

Бестселлер в Германии! «Причина остаться» – романтическая новинка от Дженнифер Бенкау, автора знаменитой книги «Одна истинная королева». Двадцатилетняя Билли работает официанткой и мечтает получить работу в музее естествознания. Отношения в ее планы не входят. Но все меняется, когда она знакомится с загадочным Седриком. Этот парень невероятно хорош собой, умен, образован, умеет шутить и говорить комплименты. Правда, есть одна проблема: Седрика считают ловеласом, который никогда не проводит с девушкой больше одной ночи. Когда Билли узнает об этом, то понимает, что должна держаться от него подальше. Но что, если у него на то есть серьезная причина? Сможет ли Билли разгадать тайну Седрика и доказать ему, что они созданы друг для друга? Эта история о любви и предательстве, силе и слабости, успехах и неудачах, творчестве и беспомощности, страхах и храбрости. Трогательный роман, который понравится поклонникам Моны Кастен, Бьянки Иосивони, Морган Монкомбл, Сары Шпринц, Анны Тодд и Колин Гувер. Дженнифер Бенкау – популярная немецкая писательница, автор нескольких YA романов, среди которых бестселлер «Одна истинная королева». Суммарный тираж ее книг составляет более 100 000 проданных экземпляров. Романы Бенкау часто попадают в список бестселлеров Spiegel и занимают верхние строчки.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-180914-0

© Бенкау Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предупреждение о триггерах	7
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дженнифер Бенкау
Причина остаться

*Эми, Тиму и Честеру.
Но прежде всего нам.
Всем, кто остается.*

Jennifer Benkau
A REASON TO STAY

A Reason to Stay / The Liverpool Series © 2021
Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© И. Офицерова, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

Предупреждение о триггерах

В книге затрагиваются темы, которые могут сработать как триггеры. На странице 428 эти темы описаны.

ВНИМАНИЕ: Их перечень – спойлер к содержанию романа.

* * *

Дорогие читательницы и читатели,

перевернув эту страницу, вы встретите героев с психическими заболеваниями.

Эта история – об их силе и слабости, страхах и успехах, креативности и беспомощности, провалах и удачах, об их юморе, парализующих панических атаках и львиной храбрости.

И о потерях.

Некоторые сцены у людей с подобными заболеваниями или предрасположенностью к ним могут вызвать эмоции, которые будет трудно или невозможно контролировать.

Пожалуйста, прислушивайтесь к себе и следите за своими личными границами.

Позволяйте себе все! В том числе говорить «нет», если вам от чего-либо (пока еще) становится плохо.

Бегство вполне может стать решением – пока вы оставляете себе открытым путь назад.

В Германии неотложную помощь в кризисных ситуациях можно получить в том числе по бесплатному и круглосуточному телефону доверия: 0800 / 11 10 111 или 0800 / 11 10 222 или на сайте www.telefonseelsorge.de¹

Огромное спасибо моей «Команде чувствительных читателей»: Джоане, Марии и Мариусу (заходите к Мариусу в Инстаграм², его ник [DerunbekannteHeld](#)).

*С любовью,
Дженни*

¹ Телефон доверия в России: 8–800–2000–122. <http://www.telefon-doveria.ru/>

² Instagram принадлежит компании «Мета», признанной в РФ экстремистской организацией.

Часть 1

Наверное, сложно петь в одиночку.
Недопонимания раздирают тебя в клочья.
Но тяжелее слушать, извиняться тяжелее.
Трудно простить, остаться труднее.
И как ни крути, в тебе, а не во мне проблема.

У нас не бывает ссор без угрызений совести.
Я хожу по краю твоей полной беспомощности.
Но эта история хорошо не закончится
Для принца выживших и его принцессы одиночества.
Трудно простить, остаться труднее.
И как ни крути, в тебе, а не во мне проблема.

Кроме всех наших бед ты одно упускаешь:
Проблема теперь ты, а не я, ты же знаешь?
Трудно простить, остаться труднее.
И как ни крути, в тебе, а не во мне проблема.

«Крис», Лисе

БИЛЛИ

– Нужно сматываться отсюда. Живо!

Мгновение я просто гляжу на Оливию, ожидая, что она разразится хохотом. Быть не может, что это не шутка! Но ее лицо остается серьезным, и я чувствую, как моя улыбка застывает.

– С ума сошла? Почему? – Экскурсия по музею закончилась всего три минуты назад. – Прием ведь только начинается.

Вокруг нас – группы празднично одетых людей. Элегантные вечерние платья – как пятна яркой краски среди черных костюмов. Гости берут у официантов бокалы с шампанским, чокаются и начинают разговоры, играет негромкая музыка. Я уже вычислила, кто тут спонсоры и богатые и/или красивые знаменитости Ливерпуля. Эти меня не интересуют. Я здесь, чтобы завести знакомства с людьми, которые будут работать в Музее Мэри Эннинг. С учеными, кураторами, таксидермистами, сотрудниками администрации, менеджерами по связям с общественностью и помощниками. К первому августа Музей естествознания, который сегодня торжественно открылся, объявил вакантной одну-единственную должность помощника куратора. Мою заявку вежливо приняли, собеседование состоится через пять дней. Впрочем, кроме меня эту работу, кажется, стремится получить каждый второй житель города, и если я действительно хочу иметь шанс, то нужно, чтобы что-то говорило в мою пользу. Или кто-то. Я не могу похвастаться ни образованием, ни стажировками, у меня нет ни рекомендательных писем, ни кого-то, кто знал бы кого-то, кто... Мероприятие сегодня вечером – моя единственная возможность получить крошечную и, вероятно, крайне необходимую дозу «витамина С» – связей.

Я не могу отсюда уйти прямо сейчас!

Оливия подбирает юбку своего изумрудно-зеленого вечернего платья, опускает голову и обходит приземистого мужчину, который при этом пялится на ее декольте. Она явно старается спрятаться от радара, который мне не видно. Что с ней такое?

Не могу сказать, что моя подруга славится логичным и рассудительным поведением – она у меня в самом хорошем смысле этого слова с придурью! – но знает, насколько мне важен этот вечер, и никогда бы не поставила его под угрозу из-за настроения. Что бы сейчас ни происходило, она сорвалась не просто так.

Тут же вцепившись в мой локоть, Оливия торопливо тащит меня за собой между колонн, через вестибюль с высоким потолком в сторону лестницы, ведущей к выходу. И при этом чуть не выбивает поднос с закусками из рук так же спешащего официанта. Мне пришлось бы отбиться от нее силой, реши я сопротивляться. Но я не хочу, чтобы меня здесь запомнили как фурию-истеричку, которая подралась с подругой на церемонии открытия.

– Мне так жаль, Билли, но нам правда надо уходить. – Несколько прядей бирюзовых волос из ее боб-каре падают ей на лицо, позволяя уклониться от моего взгляда. Она выглядит подавленной. – По крайней мере, ты увидела Спино-дино.

Spinosaurus aegyptiacus. Он предоставлен музею во временное пользование и выставляется здесь в рамках года открытия, чтобы привлечь посетителей как изюминка выставки «Окаменевшее время». После Второй мировой войны, когда были уничтожены бесценные ископаемые останки, сохранился только этот почти полный подлинный скелет. У меня по телу побежали мурашки, когда я впервые его увидела.

– А когда придешь сюда в следующий раз, – продолжает Оливия слишком высоким голосом, – наверно, даже сможешь стереть с него пыль.

– Очень смешно. – Вот только мне, к сожалению, не до шуток, я хочу объяснений. – Почему нам вдруг так срочно понадобилось уходить?

Мы добираемся до широкой каменной лестницы, которая через несколько ступенек разделяется и двумя дугами ведет к кассам на первом этаже. Двое людей как раз сдают там свои вещи в гардероб – гости приезжают и после экскурсии. Ну да, праздник ведь только начинается.

Я ловлю Оливию за руку, так что ей приходится остановиться.

– Может, наконец скажешь мне, что происходит? Тебя подвел дезодорант, тебе понадобился тампон, или ты увидела своего бывшего?

– Я тебе все объясню на улице.

– Объясни мне сейчас – или я ни на шаг не сдвинусь с этого места! Ты в курсе, зачем мы здесь, Ливи. Не могу же я...

Что бы ни заметила Оливия, на мгновение бросив взгляд мимо меня, это явно должно было быть что-то на уровне танцующего скелета неандертальца, потому что к раскрасневшимся щекам добавляется нездоровая бледность, расплывающаяся от тонкого носа. Без церемоний она хватает меня обеими руками за плечи, разворачивает и толкает, так что я спотыкаюсь на высоких шпильках – на высоких шпильках Оливии, если честно, – и спускаюсь вниз по первым двум ступеням намного быстрее, чем хотелось бы. При попытке удержаться за широкие каменные перила я ломаю ноготь, при этом клатч выскальзывает у меня из руки, а один каблук под пяткой подворачивается. Я уже вижу, как скатываюсь по лестнице во взятом напрокат горчично-желтом вечернем платье и попадаю в анналы музея как первый посетитель, кому потребовалось вызвать «Скорую», когда мое беспомощное падение внезапно заканчивается.

В объятиях... «*The Beatles*».

Их лица и прически, напоминающие грибные шляпки, красуются перед моим носом, пока я не выпрямляюсь и снова уверенно не встаю на обе ноги. Футболка с «битлами» в Ливерпуле? Такие носят туристы из немецких захолустий, разве нет?

– Спасибо, – выдавливаю я, поднимая взгляд от выцветшей футболки с «*The Beatles*», выглядывающей из-под расстегнутого пиджака явно сшитого на заказ классического костюма.

А кто-то умеет элегантно ломать стиль. Ливерпулю есть за что благодарить «*The Beatles*»... однако моя персональная благодарность адресована парню, который теперь – так как стоит на две ступеньки ниже меня – смотрит прямо мне в лицо. Без него я бы упала с лестницы.

– Ты сбегаешь по какой-то определенной причине? – У него темные волосы, почти черные, коротко подстриженные по бокам и чуть длиннее сверху. Наверно, он не может ни кивать, ни качать головой, иначе дерзко уложенные набок пряди упадут ему на глаза. Что будет весьма печально, потому что описать эти глаза можно только словом «потрясные». Из-за выразительных бровей – правую в последней трети разделяет тоненький шрам – и темной щетины они кажутся очень-очень синими. А может, они просто *и есть* очень-очень синие. Судя по его акценту, он не турист. Видимо, футболка – это такая ирония.

– Я не без повода пришел попозже, – говорит он, – но там правда настолько скучно, что люди готовы бежать со всех ног и рисковать при этом сломать себе кости?

– Ты серьезно такой невежда? – спрашиваю я. – А с виду не похож. Или ты один из тех, кто почему-то думает, что круто называть скучным и унылым все, что не дико опасно, дико громко или дико тупо?

В ответ на это он лишь улыбается. Я увидела его насквозь? Так быстро разгадала?

– Билли! – Оливия тем временем обогнала меня на несколько ступеней и выглядит уже чуть ли не обезумевшей. – Ну пойдем же. Пожалуйста!

Фанат «битлов» нагибается за моим клатчем и протягивает его мне:

– Не хочу показаться бестактным, но если вам нужна машина для побега...

Его улыбка на самом деле не улыбка. Он улыбается одним уголком рта, и тот лишь слегка изгибается. Сказать «полуулыбка» тоже будет преувеличением – это четвертьулыбка. Ее можно было бы назвать очень слабой, но эта четверть каким-то образом перевешивает широкие лучезарные улыбки большинства других людей. Она настолько заразительная, что я едва не забываю, что сердилась. Но только на долю секунды. А потом расстраиваюсь еще сильнее, потому что из-за этого еще меньше хочу отсюда уходить.

– Не говори, что у тебя случайно стоит одна перед музеем?

– Нет, но передо мной останавливаются такси.

– Вау. Впечатляет. – Кто этот типчик – суперзвезда? Знаменитость, о которой я не знаю? Иисус?

– Не хочешь со мной позавтракать? – спрашивает он.

Теперь я не могу сдержать смех:

– Позавтракать. Сейчас половина десятого вечера.

– Я имею в виду утром. У меня. Ты проголодаешься, если решишь остаться, а у меня есть четыре разных вида хлопьев. И, – сделав многозначительную паузу, он дотрагивается кончиками пальцев до своего острого подбородка, – довольно неплохой кофе.

– Звучит и правда заманчиво. А Weetabix³ найдется?

– Конечно. Скорее всего, просроченный, но...

– Билли! – зовет Оливия.

– Я просто обязана узнать! – Я скрещиваю руки на груди. – Этот трюк сработал хоть на одной женщине?

Дорогой костюм говорит: «О да». Футболка с «*The Beatles*»: «Да ладно тебе». А его улыбка... становится чуть шире.

Зачем я вообще спрашиваю... естественно, это работает.

– Увы, вынуждена отказаться. – Я протискиваюсь мимо парня, и приходится буквально заставлять себя снова смотреть вперед. Я заметила не только «битловскую» футболку, но и

³ Готовые завтраки одноименного английского бренда, выпускаются в виде небольших брикетов. – Здесь и далее прим. переводчика.

черную татуировку, выглядывающую из-под выреза на левой ключице. – Я украла позвонок у спинозавра. На такси с ним далеко не уедешь.

Что я, простите, сейчас ляпнула? Опьянела, просто глядя на бокалы с шампанским?

– Как захватывающе, – шепчет он. – И часто ты так делаешь?

– Да постоянно. Если спрячешь меня в своей квартире, Скотленд-Ярд арестует тебя вместе со мной.

– А если я готов пойти на такой риск? Может, они запрут нас в одной камере. – Его взгляд прикован к моему рту, и, хотя обычно такие прямые намеки меня больше раздражают, я чувствую покалывание на губах. Причем дело не в том, что этот парень действительно чертовски хорош собой. Просто за пару секунд он сумел сделать то, что никогда не удастся другим: открыто заговорить о сексе и тем не менее внушить мне чувство, что он интересуется *мной*.

У большинства мужчин все получается наоборот.

Вероятно, во всем виновато мое волнение из-за этого вечера, либо пропущенный бокал шампанского, либо то обстоятельство, что я все равно уйду и наверняка никогда уже с ним не встречусь. Но на пару мгновений я включаюсь в игру. Я кладу ладонь ему на грудь, кончики моих пальцев скользят к ямочке у него над ключицей, и я так наклоняюсь к нему, что ощущаю его запах. Немного лосьона после бритья или парфюма и аромат, напоминающий об апельсинах в темном шоколаде.

– Никогда, – шепчу я, – я не сделаю ничего, что подвергнет тебя опасности. – Затем разворачиваюсь и спускаюсь по лестнице на высоких каблуках: цок-цок-цок. И умудряюсь ничего себе не сломать. И только скажите после этого, что я не потерянная героиня из «Мстителей». Без супергеройских генов такой фокус не провернешь.

– Жаль. Но удачи тебе с позвонком. – Его тон звучит поразительно серьезно.

– Спасибо! – откликаюсь я через плечо. – Кстати, выставка ни капли не скучная!

– Само собой. А вот тусовка – еще как.

БИЛЛИ

Я бы с удовольствием снова поспорила с парнем на лестнице, но Оливия берет меня за руку и тянет к выходу. Мы едва не врезаемся в высокую темноволосую женщину среднего возраста, которая даже на этом торжественном приеме на фоне всех гостей выглядит особенно изысканно одетой и с оттенком веселья смотрит на нас, когда мы проносимся мимо нее. А мгновение спустя уже стоим в своих платьях без рукавов на апрельском ветру. Он стряхивает на нас капли дождя с платанов, растущих у входа в музей.

Оливия держит свою сумку над головой, что абсолютно не помогает, поскольку эта «сумка» не намного крупнее кредитной карточки.

– Машина! – кричит она, избегая моего настойчивого взгляда.

– Ради тебя самой очень надеюсь, что ты сможешь все объяснить! – отвечаю я, пока мы, приподняв юбки платьев, шагаем по улице, сворачиваем налево и обходим компанию идущих навстречу парней с бутылками пива, которые орут нам вслед всякие пошлости. К гопникам мне пришлось привыкать в первую очередь; в Ливерпуле они повсюду. И нередко даже одеты в шикарные костюмы.

В свете уличного фонаря я замечаю все новые и новые брызги воды на ткани своего горчичного платья.

– Ну, супер! Если их не получится вывести чисткой, то я в заднице. – Это платье из проката и стоит больше, чем мой ржаво-коричневый дряхлый «Форд», который я назвала Гомером.

– Я тебе помогу, – обещает Ливи. Именно этого я и боялась.

– Не надо. Напомнить тебе про мой свитер из овечьей шерсти?

– Его все еще сможет носить твой первенец суровой зимой.

Наконец мы добираемся до Гомера. Отперев пассажирскую дверцу, я обхожу капот и открываю свою. Центральная блокировка замков уже была сломана к моменту, когда в прошлом году я купила этот автомобиль, и это только одна из множества вещей, которые я не отремонтировала. Гомер получил свое имя в нашу первую совместную ночь – первую из почти тридцати, в которые я, свернувшись калачиком, спала на его заднем сиденье. Мою машину зовут так не потому, что я люблю древнегреческую литературу или «Симпсонов», а потому что долгое время она была моим домом⁴. И в каком-то смысле навсегда им останется.

Я сажусь за руль. Оливия уже залезла в салон, и пусть она, как любая уважающая себя британка, не склонна мерзнуть, все равно скрещивает трясущиеся руки перед грудью и стучит зубами.

– Можешь завести машину, пожалуйста?

Я вставляю ключ в замок зажигания, чтобы запустить мотор и вместе с ним печку, но даже не собираюсь пристегиваться или трогаться. Вентилятор дует в нас воздухом, принесенным, наверно, с Северного полюса, и мы одновременно разворачиваемся и тянемся за джинсовой курткой и худи, которые до этого скинули на заднее сиденье.

– Теперь-то ты мне расскажешь, почему нам надо было сбежать, или я сама должна догадаться?

Так как вместо ответа Оливия поджигает губы, я перехожу от угроз к действиям.

– Ладно. Там появился принц Гарри, а у тебя что-то было с его женой до того, как они поженились. Нет, подожди. У тебя было что-то с его женой *после того*, как они поженились. О... У тебя *с ней до сих пор* что-то есть?

– Да ей же сорок или около того! – возмущается Оливия. – Она мне в матери годится.

– А по внешности не скажешь.

Оливия смотрит на меня и потирает подбородок указательным пальцем.

– Нет. Но она могла бы быть *твоей* матерью. Почему я никогда этого не замечала? У Меган темная кожа, волнистые черные волосы, большие глаза шоколадного цвета... Она точно не *твоя* мама?

– У моей матери, – произношу я, чувствуя, как во мне закипает нетерпение, – кроме цвета кожи, очень мало сходства с герцогиней Сассекской. И тебе прекрасно известно, что я сейчас не хочу говорить ни о своей маме, ни о Меган. Черт, Ливи, этот прием был моим шансом!

Быть может, маленьким. Но, к сожалению, единственным.

Ливи вздыхает, этот звук очень похож на всхлип, и кажется такой сокрушенной, что мне мгновенно становится стыдно за свои резкие слова. Тем не менее я должна узнать, что случилось. Все-таки прямо сейчас я могла бы болтать с кураторами и доказывать им, насколько заразительна моя способность восхищаться экспонатами выставки и воодушевлять других. А потом, возможно, я бы выпила бокал шампанского с фанатом «битлов». Половину бокала – из-за Гомера.

Я могла бы спросить его, не проиграл ли он какой-нибудь спор, из-за которого теперь разгуливает в футболке с «*The Beatles*», а если ему нравится спорить, то позаботилась бы о том, чтобы он проиграл мне, и эта футболка...

О боже, у меня крыша едет. Я навожу порядок в мыслях, прочищаю горло и бросаю на Оливию взгляд из-под строго выгнутой бровей.

– Выкладывай! Быстро!

Оливия не отрывает глаз от дверцы бардачка.

– Билеты, – отвечает она гораздо более тихим, чем ее обычный, голосом.

⁴ Игра слов: имя Гомер (Homer) схоже по написанию с английским словом «home», что переводится как «дом».

– Ты их украла. – Хотя я надела свое удобное худи и из вентилятора идет уже теплый воздух, меня сразу сковывает ледяной холод. Тут же меня бросает в пот, и пару секунд организм отказывается делать следующий вздох. *Только не это.*

– Конечно нет, – бормочет Оливия, и я снова немного расслабляюсь. – Но правда, увы, ничуть не лучше.

– Пожалуйста, просто расскажи.

– Помнишь Гэвина? Симпатичного блондина, с которым мы познакомились в том баре? На первый взгляд реально многообещающий, но на свидании уже через пять минут стало понятно, что у нас ничего не получится.

– Момент! Разве это не ты мне говорила, что даже первому впечатлению нужно давать второй шанс?

– Да, но от Гэвина странно пахло. Мясом, горчицей, фритюром и луком. Как от «Мак-Комбо» с чизбургером.

Как бы я ни старалась, у меня не получается сдержать смешок:

– Понимаю. – Оливия вообще истерично реагирует на запахи. – И какое отношение все это имеет к сегодняшнему вечеру?

– Билеты были от него. Гэвин просто не мой тип, Билли, но когда он заговорил о том, что у него есть связи и приглашения на сегодняшний прием...

У меня зарождается страшное предчувствие.

– Ты стала с ним встречаться? Только ради билетов? – Только... ради меня?

– Два раза. Ничего не было, мы просто сходили в кино, и я немножко повосторгалась музеем.

У меня в голове мелькает вопрос, как Оливия это провернула. У нее, может, и разносторонние интересы, но ни вымершие животные, ни камни и кости, не говоря уже об окаменелых костях, в их число не входят. И в астрономии она разбирается только по темам вселенных «Звездных войн» и «Стартрека».

– В конце концов он мне их подарил, а я его за это даже почти поцеловала. – Она тыкает пальцем в уголок рта. – Вот сюда. Очень быстро. Он бы предпочел по-другому, но скажу только одно: «МакКомбо». – Ее передергивает.

Непохоже, чтобы из-за этого надо было в панике сбегать из музея.

– А дальше?

Она медленно пожимает плечами:

– Скажем так, дальше я какое-то время больше ему не писала и не звонила. Долгое время.

– То есть вообще исчезла с радаров.

Подруга кивает, и ее взгляд говорит, что больше всего ей сейчас хочется заползти в бардачок.

– Его звонки я сбрасывала. А после семнадцати сообщений, на которые не ответила, заблокировала его в *WhatsApp*. А потом в *Instagram*.

– О боже мой. Ты его игнорировала! Ливи!

– Это мерзко, сама знаю. Но...

Опустив голову, я утыкаюсь лбом в руль. Я не знакома с человеком, который бы сильнее стремился к гармонии, чем Оливия. Она не в первый раз прячет голову в песок, как страус, и пытается отсидеться так во время конфликта. Но чтобы она игнорировала человека, который явно к ней равнодушен и так старался с ней сблизиться... такого я от нее не ожидала. Тем более с Гэвином, который показался мне действительно милым парнем. Бедный!

В защиту Ливи должна сказать, что ей, похоже, стыдно, и не только передо мной, но и перед Гэвином.

– О'кей, дай угадаю. Гэвин пришел на прием.

– С одним из кураторов, да, тем седым, который выступал последним. Утешается с ним после меня? Что я натворила? Этот мужик мог бы быть его дедушкой!

Черт! Я бы под землю провалилась, если бы Гэвин нас заметил!

Надеюсь, он не превратился в игрушку для богатых стариканов, – тараторит Оливия. – В смысле, от него правда отвратительно пахло, но такого он не заслужил.

– Господи, Ливи, может, это и *был* его дедушка!

Она вздрагивает от едкости моего замечания, но мое терпение уже на исходе.

– О чем ты только думала? Тебе не пришло в голову, что человек, который получил такие эксклюзивные приглашения, может просто достать новые?

– Да нет же, Билли! Он вообще не хотел туда идти! Поэтому и подарил оба билета, вместо того чтобы позвать меня пойти с ним. Гэвин собирался сегодня ехать в Манчестер, потому что там играют «Красные»⁵ и – цитирую дословно – его «сердце бьется ради футбола». Матч идет прямо сейчас. Откуда я знала, что этот парень бросит своих любимых «Красных» и зайвится в музей?

Я разочарованно качаю головой:

– Надо было сказать ему, что ты ничего к нему не испытываешь. Надо было сказать *мне*, откуда у тебя пригласительные. – Хотя в том, что она этого не сделала, наверно, я и сама виновата. Она говорила, что билеты достались ей от знакомого – ну да, не обманула, а я не стала расспрашивать, а разразилась двумя воплями подряд: первым от истерической радости, а вторым – потому что загрузилась вопросом, что мне надеть.

И вот сижу здесь. Моя мечта оборвалась, едва начав сбываться. Капли дождя стекают по внутренней стороне ветрового стекла Гомера, потому что дешевая мастерская на заднем дворе даже со второй попытки не смогла заделать щель. На моем горчичном платье коричневые брызги, а реально симпатичный фанат «битлов», скорее всего, чокается шампанским с другой. В *моем* музее. Под пустыми глазницами моего *Spinosaurus aegyptiacus*!

– Я все исправлю, – говорит Оливия, но я отмахиваюсь и включаю заднюю передачу, чтобы наконец вывести Гомера со слишком тесного парковочного места. – Могу хотя бы найти тебе того парня.

– Какого парня? – Я в растерянности задумываюсь, не озвучила ли свою мысль.

– Того, что пожирал тебя глазами. Ну того, с лестницы, которого ты точно не могла так быстро забыть.

Я закатываю глаза:

– Ливи, он красивый, да. Но, пожалуйста, оставь все как есть. А то в итоге он еще окажется братом Гэвина. Или его парнем, ради которого Гэвин все-таки пришел.

– Но я должна все уладить.

– Мне правда нет дела до того парня. Я же просто хочу получить эту должность.

Оливия накрывает ладонью мою руку, лежащую на рычаге переключения передач, пока я по миллиметру приближаюсь к машине позади нас.

– И ты ее получишь. Со связями или без. Если у них в отделе кадров сидят не идиоты с ампутированными мозгами, они увидят, что ты рождена для этой работы... да что там – *зачата* для нее.

– И как же мне за одно коротенькое собеседование просветить их о причине своего зачатия?

– Любой, кто обменяется с тобой больше чем тремя словами, это поймет, – парирует Оливия, давая мне успокаивающее ощущение. – Ты вдохновляешь людей. Твое хорошее настроение

⁵ Имеется в виду профессиональный английский футбольный клуб «Манчестер Юнайтед». «Красные» (the Reds) или «Красные Дьяволы» (Red Devils) – прозвища команды.

ние передается другим, а твой энтузиазм захватывает всех. Дорогая, то, что ты рассказывала о той динозавро-птице-куро-корове...

– Археоптериксе, – не удержавшись, поправляю я.

– ...впечатлило даже меня. А я ведь была твердо уверена, что мне будет чертовски скучно. И теперь не могу дождаться, когда ты проведешь мне персональную экскурсию. Ты прирожденный музейный гид. Если они этого не увидят, то тебе вообще не стоит соглашаться на эту работу.

– Почему?

– Потому что это значило бы, что там сидят одни идиоты, так что лавочка все равно скоро закроется.

СЕДРИК

– Ты надо мной прикалываешься. – Стивен уставился на меня, будто я только что попросил его отменить свадьбу и жениться на мне. А его шафер, кажется, собирается бросить огромный зонтик, который держит над ними обоими, снять свой пиджак, закатать рукава и всыпать мне по первое число. Или по меньшей мере попробовать. – Это же хренов кактус!

– Да ты что. А я не заметил. – Я ожидал, что он не поймет шутку, поэтому не затягиваю свое притворное удивление. – Seriously, Стивен. Иди на регистрацию, вручи Карлине кактус и увидишь, что произойдет. Доверься мне.

Последнюю фразу мог бы и не говорить. Меня пригласили на свадьбу по желанию невесты, жених бы, наверно, предпочел вмуровать меня ногами в бетон и зашвырнуть на дно реки Мерси. Все-таки меньше девяти месяцев назад я переспал с его будущей женой. Хотя они тогда взяли перерыв в отношениях, причем по его инициативе; Карлину никто даже не думает обвинять, а меня... Ну, я не в ответе за спасение душ идиотов. И в конце концов, это не я настолько туп, чтобы забыть букет невесты в такси, а Стивен. Я просто предложил доехать на моем велосипеде до ближайшего цветочного магазина и купить замену, и пусть он этого еще не знает... но кактусом с красным цветочком я сделал ему настоящее одолжение.

У меня в голове на повторе играет «*Round Here*» группы «*Counting Crows*»; эта песня помогает мне снять даже самый большой стресс, а тот, что возник из-за Стивена, тем более.

– Карли терпеть не может срезанные цветы, – заявляю я. Этот лузер собирается жениться на ней через двадцать минут, так почему он не в курсе? А может, и в курсе, но ему наплевать. Скорее всего, он понял, что его невесте нравятся маленькие сумасшествия, однако не подозревает, что это заходит настолько далеко, что она просто презирает вычурные условности. – Она ненавидит смотреть, как они вянут. Обыкновенные цветы в горшках кажутся ей жалкими и в зале регистрации выглядят ничуть не лучше, чем кактус.

Стивен переступает с одной ноги на другую:

– Может, расскажешь мне еще что-нибудь о моей жене?

Я пожимаю плечами. Что он хочет услышать?

Ткань моего костюма на плечах уже промокла под дождем, на свадьбу я приду мокрый, как канализационная крыса. Разумней было бы уехать домой. Кроме Карлины, меня тут все равно никто не желает видеть. Но она расстроится, если я не останусь. Так что я остаюсь.

– Я знаю ее почти исключительно по университету. – И еще по одной ночи. – Но хорошо разбираюсь в людях. И хотя я бы с превеликой радостью прикололся над тобой, Стивен, но не рискнул бы обидеть Карлину в самый прекрасный день ее жизни.

Я протягиваю ему кактус. Морозящий дождь развешивает на его колючках сверкающие жемчужины капель. Выглядит очень мило: такой промокший под дождем свадебный кактус.

Стивен колеблется.

– Твою мать, только не устраивай сцен. Вручи ей кактус в знак того, что по-настоящему ее знаешь, скажи что-нибудь символичное ее родителям, например, что ваша любовь сможет выдержать любую засуху, и ради бога, сделай вид, что все это твоя идея.

– Стив, я могу быстро доехать до заправки, у них есть цветы, – бормочет шафер и сверлит безобидный кактус таким взглядом, будто он в любую секунду может выстрелить в него иголками.

У Стивена на лице по-прежнему написано недоверие, но где-то в голове явно закрутились шестеренки. Повезло. Мне было бы трудно смириться с тем, что Карлина вышла за полного тормоза.

Двадцать минут спустя я сглатываю, когда дверь распаивается, появляется Карлина в молочного-белом платье до пола и с венком в стиле бохо в длинных волосах и шагает по проходу к месту, где ждет регистратор и ее будущий муж с кактусом. Она не захотела венчаться в церкви, но атмосфера задумывалась такая же. Поэтому ее подружки украсили строгий зал гирляндами и бумажными цветами. Из колонок звучит фортепьянная музыка и сливается с мелодией, которая сегодня с момента пробуждения играет у меня в голове. Карлина ослепительно улыбается рядам гостей. Ей двадцать пять лет, она старше меня всего на год, но почему-то такое ощущение, что на целую жизнь. Летом она оканчивает магистратуру в области морской биологии, после чего планирует получить степень кандидата наук, пока я до сих пор тяну лямку бакалавриата. А Карли выходит замуж!

Улыбайся, велит мне мозг, и парочка мышц у меня на лице повинуются.

Людей немного. Члены семьи, ближайшие друзья и, наконец, я. Классическая студенческая свадьба со скромным бюджетом и множеством глаз на мокром месте. К тому моменту когда Карлина замечает кактус, она уже повернулась ко мне спиной, так что ее лица мне не видно. Но она поднимает обе руки ко рту, и подрагивание ее плеч выдает, что она смеется и так наверняка прячет слезы. На мгновение Карли оглядывается на гостей, посылает воздушные поцелуи родителям, подмигивает в сторону своих лучших подружек и машет всем остальным. Она кажется невероятно счастливой, поворачиваясь к Стивену и нежно поглаживая кончиками пальцев горшочек с кактусом. Она заслужила это счастье, и я рад за нее, правда рад. Моя улыбка держится сама собой, хотя на меня больше никто не смотрит и можно было бы перестать. Но песня продолжается.

Она говорит, это только у меня в голове.

Она говорит, тссс, это только у меня в голове⁶.

Голоса смолкают, слышны лишь щелчки фотокамер, и мне хочется, чтобы можно было запечатлеть этот миг мимолетного счастья, как картинку, законсервировать его, чтобы достать, когда сильнее всего в нем нуждаешься.

Но счастье живое. Даже самая аккуратная попытка заморозить его убьет его. И одной мысли об этом хватает, чтобы меня сковал холод.

И я не вижу ничего, ничего вокруг.

Лучше мне уйти.

БИЛЛИ

– Сибил. Рада видеть вас здесь. Присаживайтесь, пожалуйста. Меня зовут Вивиан Блант, я курирую выставки в Музее Мэри Эннинг и провожу предварительный отбор на открытую вакансию ассистента.

⁶ Здесь и до конца главы: строки из песни «Round here» группы «Counting Crows».

Я изо всех сил стараюсь глупо не лыбиться куратору, пусть она бы этого и не заметила, поскольку, кажется, углубляется в изучение моего резюме. Огненно-рыжие локоны уложены мягкими волнами, от нее исходит интенсивный аромат духов и лака для волос. То, что у меня от волнения дрожат пальцы, она явно уже заметила. Лучше не буду наливать себе ничего из расставленных на столе воды или соков, а то еще залью его.

– Пожалуйста, зовите меня Билли, – говорю я и заклиная кожаный стул не издавать пугающих звуков, когда я переносу вес.

– Хорошо, Сибил. – Вивиан Блант поднимает взгляд и смотрит на меня льдисто-голубыми глазами. – Это подводит нас непосредственно к моему первому вопросу о вас. В своем резюме вы подписались именем Билли, однако в вашем школьном аттестате значится «Сибил». Моя первая ассоциация в связи с этим расхождением: вы испытываете проблемы с уважением, раз ставите под сомнение авторитет собственных родителей.

Моя улыбка застывает. Я проиграла. Еще ничего не началось, а я уже проиграла. На обвинения я не рассчитывала. Что, черт возьми, ответить на подобный выпад? Особенно если он бьет прямо в яблочко?

Но Вивиан Блант, очевидно, не ожидает, что я объясню свою позицию, потому что продолжает дальше:

– Вы пишете, что учились в Оксфорде. На юриспруденции. Мало общего с должностью ассистента в музее, не находите?

Думаю, сглотнула я так громко, что она услышала.

– Когда начала изучать юриспруденцию, я еще окончательно не определилась, чего хочу от своей жизни. Я была...

– Молода, конечно. А теперь вам, – взгляд в бумаги, – двадцать, почти двадцать один. – В ее голосе не слышится издевки, и тем не менее меня задевает ее сарказм. Естественно, я все еще молода и, вероятно, до сих пор не знаю, захочу ли заниматься своей нынешней работой мечты в течение сорока или пятидесяти лет. Да и откуда вообще знать такие вещи?

Я расправляю плечи:

– Теперь я готова сталкиваться с сопротивлением, чтобы делать то, что мне по-настоящему нравится, причем уже не первый год.

Черт, это сейчас прозвучало решительно или упрямо? Эта женщина выбила меня из колеи, но я не собираюсь откровенничать с ней о своей семейной истории и рассказывать об отце и мечте всей его жизни, в которой я однажды займу его место в фирме и буду делать жутко богатые корпорации еще более жутко богатыми.

– Вы поняли, что учеба требует от вас слишком многого? Потому что у нас работа тоже далеко не простая.

Этого куратора можно назвать нахалкой. Нет, даже нужно. Надо было пойти до конца и принести документы из Оксфорда. Может, я и бросила учебу в середине года, но я была хороша, и документы это доказывают.

– О, и пожалуйста, не подумайте, что мои критичные вопросы как-то связаны с цветом вашей кожи или происхождением. – Дракониха быстрым взглядом проверяет свои когти с красным лаком. Планирует разорвать меня, если я скажу что-нибудь не то, или просто убеждается, что макияж не смазался? Ногти у нее отполированы до блеска. – Я всегда очень обстоятельна. Со всеми соискателями.

А я распознаю мизантропию, когда ее вижу, тут нет необходимости быть специалистом по расизму. Но не стану озвучивать эту мысль.

– Я прервала учебу, потому что не вижу себя юристом. В Оксфорде у меня была возможность выбрать другое направление. – По крайней мере, пока ситуация не накалилась и я не сбежала. – Но я просто не смогла выбрать. Биология, ботаника и зоология интересуют меня

не меньше, чем палеонтология, археология и астрономия. Я увлекаюсь всеми областями естествознания. И их все вы объединяете под одной крышей. Поэтому я хочу работать у вас в музее.

Поэтому, а еще потому, что должна самостоятельно финансировать свою жизнь, а совмещать дорогостоящую учебу с работой официантки чертовски сложно. Еще одна вещь, которая не касается этой драконихи.

– Я хочу пробуждать в людях интерес и восхищение к этим темам.

А очень даже неплохо получилось!

Она что-то записывает, скорее всего, что я неуравновешенная, или нерешительная, или что-то другое, чтобы меня оговорить.

– Сейчас вы работаете официанткой? И уже на протяжении года?

– Верно, квартира сама себя не оплатит. – Вдох-выдох, оставайся вежливой, не трать нервы. Я смогу. Упомянуть про собеседования в Лондоне и Эдинбурге, или их она тоже сразу вывернет в негатив? Те собеседования прошли как минимум с уважением, мне просто не повезло из-за большого числа претендентов. – Работа официанткой – это временное решение, и тем не менее за это время я многое выяснила о себе. Например, теперь я знаю, что стрессоустойчива, легко взаимодействую с самыми разными людьми и умею заражать их своим настроением.

– Это, несомненно, очень важно, – откликается дракониха. – Только для нашего музея постоянство гораздо важнее, чем ярко, но быстро сгорающий романтический пыл. – Она делает достаточно длинную паузу, чтобы дать мне прочувствовать укол в ее словах, но слишком короткую, чтобы ответить. – И позвольте мне быть с вами откровенной, Сибил. Со всем уважением к вам... Представлять наши многообразные выставки взыскательной публике, наверное, все-таки не то же самое, что помогать посетителям выбрать, что заказать: сконы⁷ или Баттенбергский торт⁸.

Ах ты подлая, злобная, высокомерная ведьма!

Зачем она в принципе меня пригласила? Чтобы лично дать понять, что я ни на что не гожусь? Стандартного отказа, по ее мнению, недостаточно, или боится, что в следующем году я попытаюсь еще раз, если оставить во мне хоть искорку горячей надежды? А может, она что-то вроде вампира, питающегося разочарованием бедных людей, которых заманивает к себе?

– У большинства наших кандидатов есть преимущества в виде стажировок и почетных должностей в области естествознания, что доказывает, насколько долгосрочен и серьезен их интерес. Также благодаря практическому опыту ваши конкуренты уже могут оценить, чего им ожидать.

Разумеется. А у меня... нет ничего. Потому что в течение многих лет я мечтала все-таки убедить отца позволить мне мирно идти своей дорогой, вместо того чтобы провоцировать страшную ссору, подав заявление без его согласия. Четыре года назад я попробовала в первый раз. Музей естественной истории Оксфордского университета действительно предложил мне стажировку, но мне было всего семнадцать, я еще училась в колледже и зависела от письменного разрешения одного из родителей. Отец отказался мне его давать, потому что не хотел поддерживать этот «бред». Мама хоть и пыталась его уговорить, но ни ее электронные письма, ни звонки ни на что не повлияли. А к тому моменту как они стали ожесточенно ругаться на эту тему, мамина поддержка скорее уменьшила мои шансы, чем улучшила.

Я была мечтательницей в плохом смысле слова. Ведь моя мечта в конце концов как-нибудь достучаться до отца была наивной, да и спор оказался совершенно неизбежен. Сегодня

⁷ Традиционное блюдо шотландской и английской кухни: небольшая булочка быстрого приготовления, как правило, из пшеничной или овсяной муки, подается к чаю со сливочным маслом и джемом.

⁸ Бисквитный торт с марципановой глазурью из коржей желтого и розового теста, расположенных в шахматном порядке; назван так в честь бракосочетания в 1884 году принцессы Виктории Гессенской и Людвига Баттенберга.

я все осознаю, и для этого мне не нужна дракониха, которая сидит с заточенными когтями перед входом в музей и своей ледяной улыбкой сообщает, что здесь мой путь заканчивается.

– Понимаю. Значит, я могу идти? – Предательское жжение в глазах едва не заставляет меня вскочить и броситься прочь из кабинета. Но я не расплачусь перед драконом, потому что он разделяет мою мечту на кусочки, как филе, жарит у меня на глазах, а затем с аппетитом съедает. Раз у меня в любом случае нет шансов, можно отважиться на опасную игру.

– Но сначала позвольте мне прояснить одну вещь, – произношу я, ненавидя собственный голос за то, что он хрипит, дрожит и выдает, как близка я к тому, чтобы разреветься. – Мы плохо знаем друг друга. Вы, наверное, можете судить обо мне исключительно по моим документам, которые я даже не могу предоставить вам в полном объеме. – И отсутствие которых из-за ее презрительного отношения у меня даже не получится объяснить, не рискуя заработать нервный срыв. – Но с вашей стороны было бы честно дать мне шанс доказать вам, насколько серьезны мои намерения, прежде чем навешивать ярлык «Не подходит». Мне еще не представился шанс пройти стажировку, но я не бездействовала. Задайте мне вопросы! Клянусь, я отвечу на любой из них, который изучается по соответствующему направлению, потому что за последние годы самостоятельно прорабатывала учебный материал. Из-за интереса и увлечения предметами, а не ради оценок или диплома. В данный момент я учу немецкий язык. Как вы считаете, почему?

На ее непроницаемом лице не дрогнул ни один мускул. Только складка на лбу, кажется, стала еще глубже.

– Потому что в немецкоязычном пространстве, в Германии, Австрии и Швейцарии, находится в общей сложности пятьдесят семь музеев естествознания. Пятьдесят семь! Вы знали об этом? Это означает, что у меня пятьдесят семь шансов.

– Полагаю, я получила ответы на решающие вопросы, Сибил. Спасибо, что пришли. – Она закрывает мое резюме, встает и через стол протягивает мне руку. – Пожалуйста, имейте в виду, что может пройти несколько недель, прежде чем мы с вами свяжемся. Так или иначе, решение по поводу должности будет принято только к августу. Но мы в любом случае дадим вам знать.

Заставить себя подняться на ноги и пожать ее руку – лапу! – стоит мне такого сочетания силы и самообладания, которое я нахожу в себе с огромным трудом.

– Спасибо, что уделили мне время, мисс Блант.

– Сами найдете выход?

СЕДРИК

«Обязательно возьми с собой бутылку шампанского! Я ей его обещала, так она сразу сообразит, что это я все устроила!»

Я в третий раз перечитываю последнее сообщение от пользователя Инстаграма с ником *Livie_Loves_Lettuce*. Текст в нем по-прежнему тот же. Но нет, от идеи с шампанским я, пожалуй, откажусь. Что подумает эта бедняжка, если я сразу заявлюсь с шампанским, которое ей потом придется пить одной? Что я хочу ее спить?

С другой стороны...

Нет, Бенедикт. Это нагло и ненормально.

Впрочем, ненормальней, чем эта Оливия с ее миссией *Я-должна-загладить-вину-за-то-что-увела-подругу-с-вечеринки*, тут только один человек: я, потому что в самом деле сижу на ступеньках перед музеем естествознания, уперев локти в колени, и жду Билли, похитительницу костей... которая ни о чем не подозревает. Надеюсь, ее подруга не врет, говоря, что Билли любит сумасшедшие сюрпризы.

Пока я жду, а весеннее солнце светит мне в макушку, я еще раз прокручиваю нашу историю сообщений.

Оливия обнаружила меня по хештегу с открытия музея на одном фото в *Instagram*, перешла по отметке, которую там, «к счастью», оставила мама, и недолго думая написала мне.

«Привет. Обычно я так не делаю. Знаю, никто обычно так не делает. Но ты поймал мою подругу Билли на том открытии, и с тех пор она постоянно слушает «The Beatles». Не могу больше это терпеть».

Эмодзи отчаяния. Маленькая электрогитара. Драматичный эмодзи отчаяния.

«Если ты не молодой любовник красивой леди, которая тебя отметила, то, пожалуйста, ответь мне!

До скорого, Оливия».

Спустя тридцать семь текстовых, семь голосовых и три видеосообщения я сдался и согласился встретиться с ее подругой. Да и почему нет?

«Не говори, что Билли тебе не понравилась. Или говори, но тогда ты просто обманщик. А обманщиков мы тут не любим, так что в таком случае можешь вообще больше не появляться!»

И что я должен был на это сказать? Конечно, она мне понравилась, иначе я бы с ней не флиртовал.

«Я не обманщик. Но отношения – это не ко мне. Так что, если мыслишь в этом направлении, лучше считай меня обманщиком, и тогда не будет причин ныть по вечерам с ведром мороженого, еще одним бокалом вина и сотней серий «Друзей».

«Эй, а ты реально разбираешься в женщинах».

Закатывающий глаза эмодзи.

«Опыт».

Я же старший брат, в конце концов.

– С этим как раз все в порядке, – пришло в голосовом сообщении. На фоне играла громкая музыка, что-то из треков *Kygo*, и только по ней можно было понять, что это обычная запись, а не ускоренная. Девчонка тараторит со скоростью пулемета. – Билли не хочет ничего серьезного. Абсолютно ничего. Но это не значит, что она легкодоступная. Ну, даже если бы это было нормально, если так... Блин, я несу полную чушь, извини. По-моему, ей бы просто хотелось еще раз с тобой встретиться. Тупо получилось на прошлой неделе, и я все изгадила, так что должна как-то снова... перегадить?

«Пожалуйста, без фото в процессе!» – написал я.

Похитительница позвонков правда мне понравилась. Темные глаза, в которых почти не отличишь радужку от зрачка; искренняя, открытая и такая совершенно беззаботная улыбка, силуэт, в котором каждая линия идеально гармонично перетекает в другую. Я уже буквально видел, как шелковая ткань платья скользит вниз по ее темной коже... *О'кей, Бенедикт, хватит мечтаний в понедельник среди бела дня. Я здесь не для того, чтобы затащить ее в постель. Ладно, может быть, я здесь именно для того, чтобы затащить ее в постель. И потому что ее подруга – Оливия – в открытую угрожала свести меня с ума сообщениями, если я скажу «нет».*

«Я буду писать тебе, пока ты не скажешь «да».

«А я могу заблокировать тебя, когда ты меня достанешь».

«Дилетант».

Эмодзи с высунутым языком.

«Имя у тебя в Инсте, кажется, настоящее, Седрик Бенедикт. Я тебя везде найду. Везде! Угроза. Не обещание».

«Ты начинаешь меня пугать».

«Надеюсь!»

За этим последовало еще одно видеосообщение, над которым я смеялся так, как не смеялся уже несколько недель. И хотя мне совершенно ясно, что такая неожиданная встреча, скорее всего, не входит в топ идей, которые когда-либо приходили в голову *Livie_Loves_Lettuce* (но что я понимаю в идеях женщины с ярко-бирюзовыми волосами), все равно я здесь. Номер Билли Оливия не выдает, и Билли умнее меня: естественно, я нашел ее на фотографиях в профиле Оливии, но там нет ни одной отметки. Похоже, она человек без *Instagram*. Соответственно, я даже не могу заработать дополнительные очки, испортив сюрприз.

«*Я на месте. Хотя бы предупреди ее!*» – печатаю я в диалог и на всякий случай добавляю: – *Или я уйду*».

«Прочитано. Печатает...» – высвечивается на дисплее.

Я жду. Да что она мне там пишет, роман? Потом:

«*Нет!*»

И тут же еще:

«*Билли ЛЮБИТ сюрпризы!*»

Я не могу сдержать улыбку. Если Билли так же обожает сюрпризы, как *Livie_Loves_Lettuce* – салат, то мне мало не покажется. Потому что профиль Оливии состоит из фото капкейков, бургеров и капкейков в форме бургеров. Ненадолго в голову закрадывается мысль, что меня, возможно, просто разыгрывают, и я незаметно оглядываюсь в поисках того, кто тайком меня снимает.

В этот момент приходит в движение автоматическая вращающаяся дверь на входе. Оттуда появляется Билли, и, хотя, по-моему, не существует ничего менее привлекательного, чем костюмчики с аккуратными белыми блузками и туфлями-лодочками, что-то в ней спасает даже самый скучный наряд. Может быть, пряди черных волос, которые выбились из прически и теперь вьются возле щек.

Она подносит к уху смартфон, говорит что-то, что мне не удастся разобрать на таком расстоянии, и резко застывает. На мгновение закрывает глаза, потом опять открывает и внимательно обводит взглядом пространство перед музеем.

Я остаюсь сидеть на ступеньках, но поднимаю руку, чтобы обратить на себя ее внимание, если она не сразу меня узнает.

С каменным лицом прошептав что-то в трубку, она проводит пальцем по экрану и закидывает мобильник в сумочку, висящую у нее на плече.

О'кей. Теперь все ясно: Билли и сюрпризы... не равно большая любовь. Во всяком случае, не самая большая.

Тут в моем чате с *Livie_Loves_Lettuce* всплывает новое сообщение:

«*Тревога, тревога! Отбой! Отмена миссии НЕМЕДЛЕННО!*»

Но вот сейчас мне становится уже по-настоящему интересно.

БИЛЛИ

Я кину Оливию, думаю я, когда мой взгляд падает на мистера Битла. Ей свойственно совершать дебилские поступки, она сама и вся ее жизнь – один сплошной дебилизм – ее слова, не мои! – но это серьезно перешло все границы.

– Я кину Оливию, – повторяю я вслух, когда мистер Битл плавно встает, поднимается по лестнице ко мне, и ему хотя бы хватает совести смущенно усмехнуться, прикусив нижнюю губу. С квартирой – как назло, снимала ее Оливия. С машиной – вот чем я ее задену. По самому больному! И с дружбой. Да, так и сделаю. Пошлю свою лучшую подругу куда подальше. Определенно так и сделаю.

– Это... И что это значит? Господи, какой неловкий момент!

– Меня не спрашивай, – отвечает парень, понизив голос и украдкой оглянувшись. – Я просто подыграл происходящему и даже не смог заготовить какой-нибудь классный повод типа: «Оказался поблизости, просто случайно тут зависаю». По сравнению со мной у тебя все нормально, потому что ты ни о чем не знала.

– От этого не легче! Мог бы, по крайней мере, попробовать изобразить «Я как раз случайно был в музее».

– Нет, боюсь, план бы провалился. Ты бы спросила, что меня сильнее всего впечатлило, а я бы, как пятилетний ребенок, сказал: «Большой страшный тираннозавр», и тогда ты бы сообразила, что я понятия не имею, о чем говорю.

В любой другой момент его комментарий меня бы развеселил. Даже сейчас, после того как Вивиан Блант прожарила меня и мои мечты до степени *well done*, та часть меня, которая любит посмеяться в голос, дрогнула. Впрочем, это скорее конвульсии отчаяния.

– Все пятилетние дети уже знают, что тираннозавр был ленивым падальщиком и даже не самым крупным среди тероподов. А вот аллозавр – реально опасная тварь!

Он прижимает ладонь к груди и умудряется, несмотря на театральность жеста, оставаться серьезным.

– Как хорошо, что я никогда не вру. – Затем поднимает руку и протягивает ее мне. – Я Седрик. Привет.

– Билли, – откликаюсь я и жду, пока Седрик после недолгого ожидания опустит ладонь, перед этим быстрым движением поправив волосы. Если он заносчивый, будет просто фантастично, тогда я смогу сразу вежливо его отшить и больше никогда о нем не вспоминать.

Но, по-видимому, все окажется не настолько легко.

– Хорошо, Седрик. Я извиняюсь за поведение Оливии. Она немножко чокнутая.

– Сильно.

– Что?

– Она сильно чокнутая. «Немножко» – слабо сказано.

Эй. Погоди-ка, дорогой. Ты только что оскорбил мою лучшую подругу?

Похоже, он заметил, что ходит по тонкому льду, и прочищает горло.

– Но клевая, еще она клевая. Я бы не пришел, если бы она не была клевой.

– О'кей, – произношу я и натянуто улыбаюсь. – Может, вы там что-нибудь придумаете вдвоем. Но я... Мне сейчас надо... Ну... – К сожалению, шок от появления мистера Седрика Битла совсем ненадолго вытеснил мое безмерное разочарование. Теперь же оно вновь выплывает на поверхность.

Седрик смотрит на меня своими синими глазами:

– Все в порядке? Тебя что, заставили вернуть украденный позвонок?

Пожалуйста, он может уже прекратить?

– Лучше бы так. Нет. У меня только что было собеседование. – К глазам стремительно подкатывают слезы, но я не разревусь. Не на лестнице перед музеем, из окна которого за мной, возможно, следит Вивиан Блант, музейный дракон. – И я просто хочу домой.

– Так плохо прошло? – интересуется он, спускаясь вместе со мной по ступеням. – Иногда все кажется гораздо хуже, чем есть на самом деле. А нервничают уж точно все, кто идет на собеседование. – Либо он чертовски хороший актер, либо на самом деле соперничает.

Я выдавливаю из себя вежливую улыбку, но удержать ее не получается.

– Все прошло не *плохо*. Все прошло совершенно кошмарно. Я попала не на собеседование – меня допросили, приговорили и морально казнили.

– Твою мать. А потом еще появляется какой-то идиот и действует тебе на нервы. Извини, тупо вышло.

– Да все нормально. Вообще-то у меня был план гордо прошествовать вниз по лестнице, выбросить эти дурацкие туфли в ближайший мусорный бак и босиком добежать до своей машины, где я собиралась от души пореветь.

Мозгу больше не хватает мощности бороться за изображение остатка разума. И как будто это недостаточно унижительно, мне еще приходится задрать нос повыше, иначе из него потечет.

– Боюсь, ты выбил меня из колеи.

– Ты все еще можешь выбросить туфли, – заявляет он, окинув критическим взглядом остроносые кожаные лодочки. Затем протягивает мне сплюснутый пакетик бумажных платочков, который вытащил из заднего кармана брюк, и никак не комментирует мои первые слезы. – Судя по их виду, они заслужили. У меня начинают болеть ноги, когда я просто смотрю на твои.

– Спасибо. – Я достаю один платочек, слишком поздно вспоминаю про тушь и карандаш для глаз и, скорее всего, первым же движением превращаю себя с одной стороны в панду. – К сожалению, я их одолжила.

– Отдай их обратно, они тебе не подходят. И та работа тоже, раз они разрывают тебя на части всего лишь на собеседовании. В самом начале нужно, чтобы начальство тебе нравилось – потом они в любом случае станут придурками.

Наверно, он даже прав. Однако я бы с радостью взялась работать на драконику, если бы мне дали шанс.

– Все не так уж просто, – бормочу я. – Я обошла почти все музеи, мне всегда не хватало совсем чуть-чуть, чтобы получить должность.

– Все музеи в Ливерпуле?

– В Великобритании.

Он присвистывает сквозь зубы:

– А ты и правда ее хочешь, да?

– Я близка к тому, чтобы уехать в Штаты и попытаться счастья там.

– Боже... не делай этого! – Он запускает руку в волосы, как будто только что узнал, что я собралась на войну. – У тебя еще вся жизнь впереди!

Не в силах сдержаться, я смеюсь, хотя это больше напоминает всхлип. Седрик растрепал свою прическу и мотает головой, чтобы волосы не лезли в глаза, но явно не видит причин их аккуратно поправлять. Может, он и не заносчив.

– Нет, сначала я покатаюсь по Европе. А когда закончу там, просто начну заново в Лондоне.

– Полагаю, ты учишься по этой специальности? Или уже получила диплом?

Я вздыхаю, потому что за такое короткое время он попал по самому больному месту.

– С учебой получилось не лучшим образом. – Что не полностью соответствует правде, но... – Все сложно.

Мы доходим до Хейворт-стрит, и в некотором отдалении я вижу Гомера. Слева от нас находится огромный парк «Эвертон» с его холмистыми лугами, каштанами и кленами. В кирпичных домах справа люди копались в клумбах, мыли окна и под восторженные крики детей выставляли батут, который занял всю площадь сада, в этот первый теплый весенний денек.

– Я тоже бросил учебу, – ни с того ни с сего произносит Седрик.

Я с удивлением смотрю на него, а он спокойно отвечает на мой взгляд.

– И тоже все сложно. Не каждую загадку стоит разгадывать.

Звучит так, будто это очень легко. И я слышу между строк: «Без проблем, ты не обязана рассказывать». И пусть я, естественно, и так не обязана – мы знакомы всего пять минут по столкновению и парочке глупых пикап-фразочек, – мне нравится, что он не собирается настаивать.

Оливию мне до сих пор хочется сунуть под холодный душ за *сюрприз*, который она мне приготовила, однако, если быть откровенной, в данный момент меня абсолютно устраивает,

что Седрик здесь. Он действительно кажется весьма приятным парнем. Хотя печаль и разочарование продолжают кружить рядом, напасть они не могут, пока я не одна.

Около Гомера я наконец останавливаюсь.

– Это моя машина, – говорю я, похлопав по капоту. – Гомер. И прежде чем ты спросишь: это чудо техники, и ни один механик не может объяснить, почему он еще ездит. Он делает это из любви ко мне.

Седрик разглядывает Гомера с соответствующей смесью восхищения и уважения.

– Видимо, он правда тебя любит. Мне с ним поздороваться или...

– Только если хочешь когда-нибудь прокатиться.

– Круто. Привет, Гомер. Рад с тобой познакомиться, пока ты не уехал по Радуге...⁹ ой, прости, по разноцветному мосту.

– Эй! Не пугай его. От страха поршни портятся, ты не в курсе? – Я открываю водительскую дверь, сажусь на сиденье и выуживаю свои кеды из пространства для ног у пассажирского места. В удобной обуви я другой человек. Мне даже приходит в голову содрать с ног проклятые колготки. Их резинка закрутилась, врезалась в живот и передала мне желудок. Однако то, что Седрик оперся одной рукой на крышу автомобиля и смотрит на меня сверху вниз с этой своей четвертьулыбочкой, тут же вынуждает меня отказаться от идеи.

Слишком двусмысленно. В прямом смысле двусмысленно.

– А куда мы поедем? – спрашивает он.

– Момент. – Мне кажется, все развивается чересчур быстро. – Главные в забавной игре «Устроим сюрприз Билли» – это вы с Оливией. Я всего лишь Билли – невинная жертва. Вы отвечаете за ход игры. И так как Ливи здесь нет, придется обо всем позаботиться тебе. Сам виноват, раз согласился заключить с ней сделку. – С этими словами я снова вылезая из салона, протиснувшись прямо перед Седриком, кидаю блейзер на заднее сиденье, надеваю вместо него худи поверх блузки и проверяю свой внешний вид в боковом зеркале Гомера. Юбка-карандаш, худи и кеды. Намного лучше. Почти хорошо.

– Намного лучше, – подтверждает Седрик, и по моему телу на мгновение растекается тепло то ли из-за удобной мягкой толстовки, то ли от его взгляда. Этому парню даже не нужна четвертьулыбка, он умеет улыбаться глазами, не шевельнув ртом. Все время, что я на него смотрю, его губы не двигаются. И тем не менее он улыбается.

Я же, наоборот, не могу не усмехнуться и тут же чувствую, как к щекам приливает жар, когда до меня доходит, что я пялюсь на его губы, как будто подумываю лизнуть их, заявляя, что он мой. Уверена, ему и так известно, что он сексуальный... мне обязательно так открыто ему это демонстрировать?

– Мне бы ни в коем случае не хотелось рассердить Оливию неправильным решением, – произносит он, – но думаю, моя идея ей понравится. Я знаю лучший паб в городе. Правда, Гомеру туда нельзя, а когда ты оттуда выйдешь, то уже не сможешь отвезти его домой, потому что Соьер, которому этот паб принадлежит, отлично выполняет свою работу. Но...

Облокотившись на крыло, я отмахиваюсь:

– Оливия бы пришла в восторг от твоей идеи, но я накладываю вето.

Седрик выгибает темную бровь, ту, что со шрамиком:

– Ты жертва. У тебя есть право вето?

За это он заслужил тычок в живот. Но тот вышел каким-то хилым, этот тычок. По такому прессу надо тыкать сильнее. Запомню на будущее.

– Ты не выучил правила игры, битлофан!

⁹ Мифическое место в загробном мире, где питомцы встречаются со своими хозяевами.

– Черт, мелкий шрифт! О'кей, никакого паба, вторая попытка. Тут неподалеку парк, ты в удобной обуви, а Гомер вроде бы тоже прекрасно себя чувствует здесь в тени деревьев. Мы могли бы пройтись, а по пути захватить мороженое. Это в духе Оливии?

Я делано вздыхаю:

– Ей придется смириться. Мне нравится.

– В следующий раз просто попрошу ее дать мне четкие инструкции. Пойдем.

СЕДРИК

Я протягиваю ей руку, просто так, потому что мне интересно, что она будет делать. Она бойкая и кажется уверенной в себе: один этот прикид из юбки стюардессы, худи оверсайз и кед – уже заявление. Но за непринужденностью кроется подозрительность, как у того, кто не просто опасается, что вокруг притаились опасности, а знает это наверняка.

Тем не менее она сжимает мои пальцы и действительно какое-то время идет за руку со мной, пока мы с улыбкой не разжимаем руки.

Доктор Рагав раз за разом советует мне больше веселиться. По-моему, я только этим и занимаюсь, но, полагаю, мы с ним говорим о разном.

Мы шагаем по парку по направлению к игровой площадке, и Билли объясняет, что не хочет сегодня идти в мой любимый паб, так как в конце плохих дней никогда не пьет спиртное. Мне кажется, это очень разумно с ее стороны, но я все равно в шутку спрашиваю, точно ли день оказался *настолько* плохим.

– Достаточно плохим, чтобы не пить, – уклончиво откликается она.

Детская площадка битком.

– Меня каждый год поражает, – говорит она, – откуда в первые солнечные дни берутся все эти дети, которых полгода нигде не было видно.

– Из-под земли, – шепчу ей я, – чтобы за лето съесть все мороженое, а потом снова спрятаться обратно. – Потому что перед фургоном с мороженым, который пропал на несколько месяцев, так же как и дети, в самом деле выстроилась такая очередь, словно там раздают последнее мороженое на свете.

Мы идем дальше и выходим из парка возле мечети. Наискосок напротив нас есть небольшой универсальный магазин, в котором можно купить как минимум эскимо.

– У этого места самый жуткий трехзвездный рейтинг из всех существующих в Google, – тихо сообщаю ей я, пока мы ждем у кассы, где старушка перед нами пересчитывает свою мелочь. – У меня личные счета со средними оценками. – Изначально личные счета с ними были у Люка. Очевидно, он передал их мне в качестве маленькой безобидной части огромной кучи дерьма, которую я теперь обязан разгребать. Спасибо, Люк. Засранец.

Чтобы отогнать непрошенные мысли, я выкручиваю воображаемое колесико громкости группы «*Billy Talent*» у себя в голове. Басы и гитары, ударные, голос Бенджамин¹⁰.

Пожертвуй.

*Каждым словом, каждой мыслью, каждым звуком*¹¹.

Глубокий вдох, очень медленно, чтобы Билли не заметила.

– Вот этот, – шепчу я, – мой некоронованный король посредственных отзывов. Цитирую: «Они убили мою собаку, очень мило!»

Билли уставилась сначала на меня, потом на мороженое в своей руке, потом опять на меня. Смотреть на продавщицу за прилавком она избегает.

– Но три звезды. Из пяти. Это довольно... нормально.

¹⁰ Бенджамин Ковалевич – солист группы «*Billy Talent*».

¹¹ Текст песни «*Surrender*» группы «*Billy Talent*».

– Не знаю, хочу ли покупать мороженое там, где собак...

Она действительно говорила тихо, и все-таки кассирша бросает на нее едкий взгляд.

– Не раздражай ее, – еле слышно произношу я. – У нее такой вид, будто она планирует сделать это снова.

Билли кладет мороженое на прилавок и сглатывает. Я наклоняю голову к ней, пока ищу деньги:

– Расслабься. Три звезды, как-никак. *Очень мило.*

Она прыскает от смеха в кулак, отворачивается и покидает магазин без мороженого. Я одариваю кассиршу безобидной улыбкой (она выглядит так, словно во всей этой истории есть доля правды, но, к счастью, у меня нет собаки) и вместе с мороженым иду на улицу, где до сих пор икает от смеха Билли.

– Правда *очень мило*, – заявляю я.

– Это вроде как не смешно, – выдыхает она и на пару секунд прислоняется к моему плечу, так что моего носа касается аромат ее волос. О'кей. Это... правда очень мило.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты приколист, Седрик, а это совершенно обычный миленький маленький магазинчик.

– Тот отзыв существует на самом деле. Можешь погуглить. На аватарке у автора кошка, показать тебе? – Я лезу в карман джинсовой куртки за своим телефоном, но она отмахивается, не переставая хихикать.

– Да я тебе верю. Но это ни капли не весело.

– Ты смеешься, так что очень даже весело.

В ответ она хохочет еще громче:

– То, что я смеюсь, еще не значит, что это весело или наоборот. У меня неправильное чувство юмора, я постоянно смеюсь не над теми вещами.

А вот это уже звучит довольно знакомо.

– Так и надо. – Говорят, есть люди, чье странное чувство юмора спасает им жизнь.

Я снимаю упаковку с мороженого Билли и протягиваю его ей.

– Так как ты не слышала о самом забавном магазинном отзыве в Ливерпуле...

– Пробел в моем образовании, который теперь наконец-то закрыт.

– Огромный пробел. В любом случае, раз ты о нем не знала, я делаю вывод, что ты не особенно долго здесь живешь.

– Хм. – Она отвечает не сразу, сначала ее губы и язык принимаются за тонкий слой шоколада над мороженым. Наверно, мне не стоит так пристально смотреть... Слишком поздно.

– Уже почти год.

Улица сейчас пуста, так что мы переходим на противоположную сторону и вновь ныряем в тень деревьев в парке.

– И ты приехала из Лондона, – предполагаю я.

Она удивленно вскидывает на меня глаза.

– Ты по акценту понял? А я ведь так работала над ливерпульским.

В моем смехе слышатся немного неприличные нотки.

– Заметно. Можешь считать комплиментом, что за год ты уже *понимаешь* скауз¹².

– У меня была няня, которая разговаривала со мной исключительно на ирландском. Они похожи.

– Возможно. И тем не менее скаузером так быстро не стать.

Билли с вызовом приподнимает брови.

– Видимо, нужно тут родиться, чтобы быть одним из вас, да?

¹² Так называемый ливерпульский, или мерсисайдский, английский; акцент и диалект английского языка, распространенный в графстве Мерсисайд, крупнейшим городом которого является Ливерпуль.

– Не-а. И я тоже не отсюда. Мы здесь все более или менее иммигранты. Скаузером – истинным ливерпульцем – становятся благодаря трем столпам Ливерпуля: мы адски работаем, адски спорим и пьем.

Она с ухмылкой кивает:

– Адски.

– Реально адски.

– Так вот что каждую ночь доказывают психи на улице перед нашим домом. Раньше я думала, что это пьяные футбольные хулиганы. Спасибо, теперь мне наконец ясно, что на самом деле речь о сохранении культурных ценностей.

– Местный колорит, – сухо отзываюсь я. – Причем прямо перед дверью. Спой «*You'll Never Walk Alone*»¹³, открой бутылку лагера¹⁴ и познакомишься с культурой Ливерпуля, не выходя из дома. А кроме этого, заведешь сотню новых лучших друзей, которые с радостью вытащат тебя из любых трудностей.

Пару метров мы проходим молча, после чего она говорит:

– Мне действительно нравится этот город. Он шумный, уродливый и грязный, и я никогда не могу найти место для парковки. Но он чертовски настоящий. Искренний.

– Вообще тут никому и не нужно место для парковки. Поезда, конечно, гремят и дребезжат, как будто им просто везет, что они доезжают до станции... но везет большинству. И автобусы иногда даже приходят вовремя.

– Наверно, так и есть, – отвечает она, и внезапно ее голос звучит чуть ниже, как будто для нее это болезненная тема. – *Никому* здесь не нужна машина. Но *мне* машина нужна. Она для меня важнее, чем квартира, – все-таки в машине можно переночевать. А ты попробуй съездить куда-то в квартире.

– Верно. У меня вот никогда не получалось. А куда ты так неожиданно собираешься уехать?

Билли пожимает плечами:

– Ну... Куда-нибудь в другое место. – Потом мотает головой и посылает мне мимолетную улыбку. – Это просто моя причуда.

Расскажи подробнее! Мне нравится слушать, как она говорит. У нее красивый голос, и она всегда произносит что-то, чего я не ожидаю.

– Ты поэтому перебралась сюда из Лондона? Захотела куда-нибудь в другое место?

Ее взгляд перескакивает с края дорожки на стволы деревьев, коротко мазнув по мне, и возвращается по лужайкам.

– Примерно.

Господи, не провоцируй так мое любопытство, женщина!

– Подожди! Ты была в бегах. Тот случай с позвонком спинозавра – ты уже делала это раньше. Ты рецидивистка.

На этот раз она совсем не смеется. Почему она не смеется?

– В целом близко к моей ситуации, да. Жизнь в бегах.

– Слишком личное? – Очевидно. Как такое в принципе могло произойти? У меня великолепный радар на всякую слишком личную ерунду. Может, его надо периодически смазывать, чтобы не сломался?

К моему облегчению, она отвечает:

– А, нет, это нет. Просто история провалов.

– Этим меня не впечатлишь. Я ношу титул чемпиона графства по провалам.

¹³ Песня из мюзикла «Карусель» (1945); считается гимном футбольного клуба «Ливерпуль», который фанаты поют перед каждым домашним матчем команды.

¹⁴ Линейка сортов пива, которое по сравнению с элем изготавливается при более низких температурах и увеличенной продолжительности брожения.

Билли с интересом обводит меня взглядом с ног до головы, и мне кажется, что я буквально чувствую ее ироничные мысли: «Провалы? У тебя? Ну да, конечно».

Знала бы ты, Билли.

– Ливерпуль был не первым моим выбором. Я попробовала в Эдинбурге, в Дублине, в Глазго... Но с неоконченным юридическим образованием и твердой убежденностью, что в юридической конторе не хочешь даже ставить печати или клеить марки, можно рассчитывать лишь на плохо оплачиваемые подработки.

– А на плохо оплачиваемые подработки в Эдинбурге и Дублине можно прожить, только если спишь в машине, – замыкаю круг я.

– И поэтому, – она щелкает пальцами, – я рада, что у меня есть Гомер.

– Звучит как приключение. – Люблю приключения, правда очень люблю. – А как протекает переход от отвращения к юриспруденции к музею с драконами?

– Тяжело, – вздыхает она. – Или вообще никак – это и есть моя проблема. У всех создается впечатление, будто я не справилась и теперь ищу что-то полегче. В то время как я просто стремлюсь, в конце концов, начать заниматься тем, чем всегда хотела, но от чего приходилось отказываться.

– Позволь мне угадать? – Я терпеливо дожидаюсь кивка, прежде чем продолжить. – Твои родители – владельцы юридической фирмы и мечтали, что однажды ты присоединишься к ним. Вы разругались, когда ты бросила учебу на юридическом, и сейчас ты вынуждена сама себя обеспечивать.

Ошарашенная, она раскрывает рот.

– Эй. А ты хорош. Только «родители» – это один отец, и я не вынуждена, а хочу сама себя обеспечивать. Но в остальном очень близко. Или же, – ее лицо бледнеет, – Оливия тебе рассказала?

– Нет, естественно нет, – спешу заверить ее я. – Но в общих чертах такая история объединяет тебя и каждого второго приезжающего сюда человека младше двадцати пяти.

– Черт. – Она бросает палочку от своего эскимо точно в стоящую примерно в двух метрах мусорку на краю дорожки. – А я-то думала, я особенная.

Меткость у нее действительно особенная. Я быстро слизываю остатки ванильного мороженого с палочки, чтобы попытаться сделать так же, однако моя приземляется рядом с урной.

– Минутку, – прошу я Билли, поднимаю палочку и пробую снова. Без шансов. – Ты случайно попала, да?

– Спорим, что у меня получится еще раз? – Она встает между урной и мной, делает шаг ко мне и смотрит прямо мне в лицо. Медленно поднимает раскрытую ладонь, чтобы я отдал ей свою палочку.

Я беру ее, как сигарету, между пальцами и протягиваю ей, словно в замедленной съемке, чтобы подольше растянуть эту неожиданную близость. Она берет палочку, но я не отпускаю и наблюдаю за еле заметной улыбкой в уголках рта Билли. Она так близко и такая красивая, что единственно верным решением было бы отпустить эту проклятую палочку, взять ее за плечи, запустить пальцы ей в волосы и обхватить ладонями ее затылок. И если после этого на ее прекрасных губах все еще будет играть улыбка (в чем я вполне уверен), я бы опустил голову и поцеловал ее. А затем...

Стоп, Бенедикт. Соберись! Абсолютно неправильный порядок действий! Сначала правила, потом поцелуй. Все остальное было бы нечестно.

Я отпускаю палочку и, держа руки при себе, вместо этого улыбаюсь ей:

– Покажи.

Билли не двигается с места. Если это игра, то она намерена победить. Дыхание у меня произвольно становится глубже, и я ощущаю, как грохочет на шее пульс.

Прикусив нижнюю губу и откинув волосы в сторону, Билли недолго думая кидает палочку через плечо.

– Ну что? – спрашивает она и демонстративно сует руки в карманы худи. – Попала? Сходи проверь.

Да, лучше мне так и сделать и одновременно напомнить себе обо всех своих мерах предосторожности. Пока я не натворил того, о чем впоследствии буду жалеть.

БИЛЛИ

– Мое уважение, – говорит Седрик, изучая землю вокруг урны, где, конечно же, нет никакой палочки от мороженого. Потому что она у меня в кармане. Потом ему расскажу.

А пока я пытаюсь разобраться со сбивающим с толку чувством невесомости, которое затуманивает голову и отдается в животе. Наша близость только что... Это было прекрасно. И волнующе. Почти как после катания на американских горках: с моим телом творится что-то, что не в состоянии осмыслить мозг, и из-за этого все становится тяжело и легко одновременно. В затылке покалывает от тревоги и желания сделать так снова.

– Такому учат на юридическом? – любопытствует он.

– Надо же как-то с пользой проводить время. – Обуздать эмоции, точно. Это было бы... разумно. – Кстати. А чем полезным занимаешься ты, когда не слоняешься по ступенькам музеев?

– Я ничему не научился на курсе, который бросил, – говорит он, пока мы идем дальше, – и начал новый. Морская биология.

У меня вырывается невольный вздох:

– Звучит здорово.

– Да, так и есть. Мы целый день сидим на пляже, слушаем пение китов и плаваем с дельфинами.

– В реке Мерси, все ясно.

– Именно. А когда потом выныриваем из своих фантазий, препарлируем камбал, измеряем водоросли, режем паразитов камбал, измельчаем медуз, чтобы обследовать их на наличие радиоактивных веществ, препарлируем паразитов паразитов камбал...

– Потрясающе, на этом остановимся. Я тоже подумывала о морской биологии, но... динозавры бы расстроились, если бы я от них отвернулась. То, что о вас говорят, правда? Вы спасители мира?

Седрик критично смотрит на меня:

– Да ты дерзкая. Естественно, большинство морских биологов – спасители мира.

– А ты – нет?

– Я больше не верю в то, что его можно спасти. – Он выдыхает, и на секунду у меня возникают сомнения, рассуждает он всерьез или дразнит меня. – Но если все-таки можно, то само собой, я хочу быть в деле.

– Само собой. Где ты учишься? «Джон Мурс»?¹⁵

Нам приходится еще раз придвинуться ближе друг к другу, так как группа велосипедистов отесняет нас к краю дорожки. Я прислоняюсь плечом к руке Седрика и представляю, как он сейчас положит ее мне на плечи. Я бы не сказала «нет». Честно говоря, мне даже настолько нравится эта идея, что в животе начинает немного покалывать. Увы, он не обвивает меня ни руками, ни другими частями тела, пусть я и подозреваю, что у него была такая мысль. Он... стесняется? Не уверен? Симпатичный, с чувством юмора и все равно застенчивый? Тогда он вряд ли настоящий, и Ливи отправила ко мне иллюзию. Можно ли снова до него дотронуться,

¹⁵ Имеется в виду Ливерпульский университет им. Джона Мурса.

чтобы удостовериться, что он реальный? Например, там, где из-под одежды выглядывает татуировка?

К сожалению, до сих пор Седрик не казался ни неуверенным, ни застенчивым, скорее наоборот. Маловероятно, что он вдруг таким стал.

– В Ливерпульском университете, – отвечает он, по-настоящему меня удивив.

– В Ливерпульском? И я ни разу тебя там не видела? – Я что, слепая? – Я там работаю. В «Sweet & Cheesy».

– Ты работаешь в «Sweesy»?

О'кей, место он знает, а если вообразить себе это тело без футболки и джинсовки – да помогут мне Небеса! – то напрашивается объяснение, что он обходит его десятой дорогой, поскольку просто не похож на любителя нашей сладкой или сырной, но всегда пропитанной жиром выпечки. Мужчин вроде него вероятнее всего встретить в фитнес-студии или салат-баре. В университете такое вообще есть? Большинству студентов и студенток необходима подпитка нервов в виде жира, сахара и углеводов.

– Я работаю там, потому что зависима от безобразия, которое мы продаем в качестве еды, – серьезно объясняю я. – И из-за Нанны, моей бабушки.

– Она тоже зависима, и ты снабжаешь ее капкейками?

Слишком поздно я понимаю, что опять загнала себя в угол. Видимо, это связано со стрессом после собеседования, раз я рассказываю ему вещи, которые обычно держу при себе или доверяю только тем людям, которых хорошо знаю. Хоть их и немного. Либо дело в том, что Седрик действительно внимательно слушает и его ответы звучат обдуманно, как будто он правда интересуется мной, а не отмазывается пустыми фразами. Он мог бы мне понравиться, думаю я. По-настоящему понравиться.

Впрочем, может, на меня потихоньку влияет открытость ливерпульцев, скаузеров. Здесь у всех что в душе, то и на языке, они верят, что лучше говорить слишком много, чем слишком мало, и если я хочу стать одной из них, то, наверно, стоит перестать тщательно подбирать слова, прежде чем их озвучить.

– Нет. Она живет в Бразилии, в Макапе, и все еще думает, что я хожу в университет и добьюсь чего-то в своей жизни. – Я прикусываю губу, потому что прозвучало так, будто я вру Нанне. – Разумеется, я рассказала ей, что бросила учебу, но у нее деменция, и она постоянно об этом забывает. А если я говорю ей по телефону, что иду в кампус, она радуется и не переживает.

На это он какое-то время ничего не отвечает, и я жалею о своих словах. Наверное, теперь он все же считает меня лгуньей. Шикарно, Билли. А сейчас еще выложи ему, почему ты на самом деле сбежала из Лондона.

На меня накатывает облегчение, когда мы приближаемся к выходу из парка. Отвлечение действительно пошло мне на пользу, и после нашего длинного разговора я уверена, что могу просто перешагнуть фазу рыданий из-за несостоявшейся работы и продолжить заниматься своими обычными делами. Тем не менее я по-прежнему чувствую себя униженной из-за драконалии. Но главное – я устала.

– Билли, сперва я решил, что твоя подружка просто сумасшедшая, – начинает Седрик. Похоже, он ищет подходящие слова. – Но я рад, что она мне написала и мы все-таки познакомились. Передай ей, ладно?

В нерешительности я прислоняюсь к автомобильной двери и одной рукой поигрываю ключами в кармане. По его словам не кажется, что он абсолютно разочаровался во мне из-за того, что я вру своей бабушке. Скорее...

– Да, я тоже так думаю. Хорошо получилось. Может, как-нибудь...

– Может, пойдём ко мне?

– Сейчас?

– А когда еще?

– Хм. – Я вновь вспоминаю, как меньше чем через десять секунд после того, как мы обменялись парой слов, он уже предложил мне завтрак как завершение совместной ночи. Так что меня не должно удивлять, что он довольно прямолинеен. Разве в музее мне это даже немножко не понравилось?

Да, конечно. Но сейчас мысль об интрижке на одну ночь с ним кажется в корне неправильной.

– Знаешь, я... Я не хочу спешить. Предпочитаю в таких вещах продвигаться медленно.

Пожалуйста, мысленно молю я. Скажи, что я тебя неправильно поняла и ты просто собирався показать мне свой аквариум или коллекцию ракушек. Пожалуйста, просто скажи, что хотел чего-то другого, а не заняться сексом сразу после знакомства.

– Все в порядке, я понимаю, – говорит Седрик. К моему облегчению, звучит это совершенно серьезно, с уважением и в то же время так трезво, как будто мы обсуждаем запись к врачу на удаление зуба мудрости.

– Но я буду рада, если мы встретимся снова, – отвечаю я. – Узнаем друг друга поближе.

По одной лишь паузе, возникшей, так как он явно ищет слова, чтобы помягче преподнести мне, что его это абсолютно не интересует, становится ясно: бабочек, которые совсем недавно порхали у меня в животе, пора прихлопнуть огромной мухобойкой. Не понимаю, почему все вдруг так резко пошло наперекосяк. Мы говорим о разных вещах? Это просто недоразумение?

– Нет, – произносит он.

Вау, весьма четкое заявление.

Умоляю, просто пусть все это закончится. Он словно вылил на меня ведро ледяной воды, и мой мозг посылает сигналы SOS.

– Ты невероятно милая, Билли, – начинает Седрик, и что-то у меня в голове вопит: «Пожалуйста, давай без этих финтов в духе *ты-такая-милая-со-своими-нелепыми-надеждами*». Я этого не выдержу. Только не еще одно подобное унижение.

– Но я неподходящий парень для «повстречаться и узнать друг друга» и всего прочего.

Я правда не хочу спорить о том, что он меня отшил. От этого редко становится лучше. Но не могу удержаться и не сказать:

– Но пугающе правдоподобно изображал из себя как раз такого.

Он потирает лоб:

– Извини, если так показалось. Я думал, у тебя другие ожидания.

– Оливия, – безэмоциональным тоном перебиваю его я. – Это она так утверждала?

Седрик упускает шанс свалить все на мою подругу.

Он либо тупой. Либо вроде как... порядочный.

– Значит, ты представлял себе классную, ни к чему не обязывающую маленькую интрижку, – резюмирую ситуацию я. – И только поэтому был таким хорошим парнем.

– Билли, прости, – бормочет он. – Я не козел, но...

– Хватит. – Я прикладываю немислимые усилия, чтобы спокойно и уверенно открыть водительскую дверь и не нырять в машину, а *сесть на сиденье*. – Может, подбросить тебя куда-нибудь? – приторно сладко спрашиваю я. – Ах нет, я совсем неподходящая девушка для этого. Хорошего тебе дня, Седрик. До... надеюсь, не скорого.

Старательно игнорируя его «Подожди», я захлопываю дверь, завожу двигатель и трогаюсь, бросив быстрый взгляд через плечо, не включив поворотники и не пристегнувшись.

Насколько вообще паршивым может стать такой солнечный апрельский день?

Хотел маленькую интрижку, да?

А знаешь что, Седрик? Пошел ты.

СЕДРИК

– Мистер Бенедикт?

Я резко поднимаю взгляд от микроскопа. Профессор Макллойд стоит перед моим столом на типичном для него расстоянии *два-метра-от-любого-человеческого-существования* и смотрит на меня поверх очков, как будто я его смертельно оскорбил.

– Проверьте свои цифры.

Не понимаю, о чем он. Об объектах, которые я только что начал исследовать под микроскопом (содержимое желудка пятнистого ската), данных еще нет. Или он имеет в виду...

– О росте водорослей?

Айзек встает возле меня и, скрестив руки на груди, сверлит взглядом профессора. Почти видно, как в воздухе мерцает невысказанное «Старик, что тебе надо от парня?». С тех пор как когда-то я вступился за Айзека после реально презрительного комментария одной преподавательницы, мы бросаемся в бой друг за друга. Иногда даже в тех случаях, когда сами этот бой развязываем.

– Цифры должны быть верны. – Я шагаю к ноутбуку, чтобы открыть документ.

– У тебя всегда верные цифры, – бормочет в мою сторону Айзек.

– Тогда оба молитесь, чтобы на этот раз было по-другому, – лаконично откликается профессор. – Потому что если нет, то завтра реку Мерси заполонят водоросли, а на следующей неделе в них утонет весь город.

– Что?

За другими столами становится подозрительно тихо. Все наблюдают за мной, пока я прокручиваю файл. На первый взгляд все выглядит нормально, но потом...

Твою мать. Что это за хрень?

– Вы правы, профессор. Тут абсолютно идиотские цифры.

– Прекрасно, что вы так метко выразились. Зачем вы сдаете подобные вещи и тратите на это мое время? Разве не хватило бы одного взгляда, чтобы понять, что здесь что-то не так?

Я киваю:

– Вполне. Я напортачил.

– Бывает, – говорит Айзек и стреляет в злорадно ухмыляющуюся одноклассницу сердитым взглядом.

– Нет, если относиться к учебе достаточно серьезно, а не рассматривать всего лишь как хобби, то такого не бывает, – отвечает профессор Макллойд. – Я бы хотел, чтобы позже вы зашли ко мне в кабинет, мистер Бенедикт. В четыре часа дня вам подходит, или у вас другие планы? Можете свериться со своим расписанием.

Намек мне ясен, и я поднимаю глаза с документа, где только что нашел ошибку.

– Конечно, мне подходит в четыре часа. Простите, профессор, сейчас исправлю цифры. Я потерял запятую в формуле с множителем.

Хренова опечатка! И препод прав, я, черт возьми, должен был еще раз просмотреть файл, прежде чем отправлять ему.

– Это что такое было? – рычит Айзек, после того как профессор отворачивается, чтобы заняться микроскопами двух других студенток. Мне видно, как он молча кивает, что в его случае практически равняется посвящению в рыцари, так как более определенного выражения похвалы от этого человека никто не получает.

– Немного перебор устраивать тебе разнос перед всеми из-за пропущенной запятой. Как будто вымещает досаду, потому что не может найти, в чем бы еще тебя раскритиковать.

– Возможно. – Я убираю препараты обратно в коробку и откладываю работу с микроскопом на следующий раз. Сначала нужно скорректировать таблицы и проверить цифры – все до единой, если потребуется. – Я вчера никак не мог сосредоточиться.

– Гроза? – тихо спрашивает Айзек.

У меня вырывается тихий смех.

– Нет. Встретился позавчера с девушкой и повел себя как хренов идиот.

Губы Айзека складываются в немое «О».

– Девушку, ясно. И ты ее не получил. Больно, наверно.

– Придунок, – беззлобно ворчу я. – Она думает, что я последний говнюк.

– Вы увидите снова?

– Нет. – Правда нет. Разве что... Твою мать.

– Значит... – Изящно прокрутившись вокруг своей оси, Айзек начинает тихо напевать «*Let It Go*»¹⁶.

– Пожалуйста, только не эта принцесса! Это же у меня в голове на несколько дней застрянет.

Он невозмутимо продолжает петь.

– Айзек. На тебе чертов халат, а не блестящее бальное платье!

Наконец он заканчивает с танцами, видимо, поверил, что я не засмеюсь, а остальные уже шепчутся.

– Жаль, да? И Эльза королева, а не какая-нибудь банальная принцесса. И так, что планируешь делать?

– Ничего, я же уже сказал.

– Не с девчонкой. – Мне кажется, или в его голосе слышится недоверие? – С профессором Маккллойдом. В четыре часа. Мне с трудом верится, что он приглашал тебя выпить по стаканчику, для этого пока рановато.

Я быстро убеждаюсь, что как сам профессор, так и его прихвостни заняты своими делами.

– Прочитает мне лекцию о том, что надо ходить на лекции, я отобьюсь оценками. Он будет упрекать меня в том, что я по чистой прихоти трачу тут деньги своей семьи, а я сообщу ему, что мне хватает и собственных и что я буду тратить их на что захочу.

– Да, – тянет Айзек. – Сделай это с максимально таинственным видом, скрести руки на груди и запрокинь голову назад.

Ради интереса я сразу пробую.

– То есть он должен принять меня за мафиози?

Айзек изучает мою позу.

– Лучше не надо, получается чересчур убедительно, а то он еще вызовет охрану. – Быстро взглянув на меня, одноклассник продолжает: – Честно, Седди, его настоящая проблема с тобой – это экспедиция.

– А как его касается экспедиция?

– Он хотел, чтобы на этот корабль попала Флоренс Холл, и не обрадовался, когда капитан выбрала тебя.

Постепенно вырисовывается смысл.

– Я не знал. Может быть...

– А потом, когда прошел слух, что ты, вероятно, и не воспользуешься этим шансом, а отменишь поездку, он просто взбесился.

– Ясно. – Его гнев понятен. К сожалению, я не самый надежный среди его учеников, а для него надежность важна. В отличие от него капитан знает, почему я так не уверен относительно решения участвовать в качестве практиканта в двухнедельной экспедиции в Ирландском море.

¹⁶ Саундтрек к мультфильму «Холодное сердце» (англ. Frozen).

Но мне тяжело открываться перед людьми, которые смотрят на меня так высокомерно, как профессор Макллойд.

– Ты просто должен решить до четырех часов, поедешь или нет, – предлагает Айзек, а я между тем распыляю на рабочую поверхность средство для дезинфекции и протираю ее салфетками. – Если дашь ему понять, что для тебя учеба – не просто трудотерапия против хронической скуки...

– Хронической скуки богатенького сыночка, – дополняю я, пока в моем подсознании мелькают картинки. А что говорить потом? «Профессор, я изучаю ваш предмет, потому что люблю море. Рано или поздно мне снесет крышу, если в ближайшее время мы не придумаем, как спасти его от нашего собственного дерьма и всего этого мусора. Поэтому я хочу научиться всему, что необходимо, чтобы помочь изобрести такой способ. К сожалению, мне в любом случае частенько что-то сносит». Да он меня засмеет.

– Ты забыл добавить в этот список «заносчивого», – подсказывает Айзек, – и тогда будет то что надо. Если ты просто объяснишь ему, почему не всегда доползаешь до лекций, он потеряет к тебе интерес и найдет себе какого-нибудь другого мальчику для битья.

– Знаешь, почему тебя все терпеть не могут, Айзек Аллен? – Мне не нужно добавлять иронию в голос, она звучит в каждом слове. Потому что у нас в кампусе нет, наверное, ни одного человека, которому не нравился бы Айзек. Его даже никто не дразнит, когда он начинает петь диснеевские песенки, все просто улыбаются. Даже ворчат они добродушно. Айзека нельзя не любить, он не только дружелюбный и верный, его хорошие качества передаются окружающим. Что-то в нем заставляет людей становиться человечней, когда они находятся рядом с ним. Моя система раннего обнаружения эмоциональных привязанностей возле него вообще не замолкает. Но я привык к постоянному вою сирен в затылке. – Потому что ты всегда прав, Айз. Никто не любит умников.

– Мне это известно лучше, чем тебе, – деловито заявляет он. Мы закидываем на плечи рюкзаки, коротко машем остальным, и я беру под мышку свой ноутбук. Едва мы выходим из лаборатории и сворачиваем в сторону лестницы, на лице Айзека появляется ухмылка от уха до уха.

– Итак, псих, теперь мы одни, и тебе никуда не деться.

Мог бы догадаться.

– Я хочу здесь и сейчас, немедленно услышать все о девчонке, которая довела Седрика Бенедикта до позорной ошибки новичка.

Я взъерошиваю волосы:

– Она сказала «нет», вот и все. Для парня вроде меня это жестко. Я к такому не привык. Айз смеется и мотает головой:

– Ты правда думаешь, что так от меня отделаешься? Кто она такая, и откуда ты ее знаешь? Она с нашего курса?

– Нет.

– Минуточку. – Он спотыкается. – Тогда откуда ты ее знаешь? Ты же вообще никуда никогда не ходишь!

Все не так уж и плохо, как он говорит.

– Она была на торжестве по случаю открытия музея. Туда я, например, ходил, если помнишь.

– Серьезно? Значит, я ее видел?

– Да, определенно. Красивое платье, уродские туфли.

– Это подходит под описание всех женщин, которые туда приехали.

Возможно. Но тем не менее в Билли было нечто... особенное.

– Детали, Седрик. И почему ты весь вечер зависал со мной, если там крутилась девчонка, которая тебе...

– Потому что она ушла, когда я пришел.

Сейчас Айзек по-настоящему хохочет, так громко, что на нас оглядывается компания студентов.

– Старик. Ты ее сразу спугнул? Да что у вас там стряслось?

– Длинная история. Она рассказала мне, что как раз украла какую-то окаменелость и теперь должна скрыться.

– Что... стой, что? – С лицом Айзека творятся странные вещи. Нормальные люди поднимают брови, талантливые – одну. Айзек же выгибает свою левую бровь лесенкой с двумя ступеньками, что придает его изумлению особую драматичность. Он любит драматичность.

– Это просто шутка. Кажется. – Я до сих пор не в курсе, почему она бросилась бежать, как Золушка, когда часы пробили полночь. – Но меня постоянно мучает вопрос, а что, если она не шутила? Может, правда...

– Уух. – Бровь Айзека вновь принимает обычную форму. – Ты просто не можешь перестать думать о ней, да?

– Хмпф.

– Ты думал не о своих водорослях, этих скользких мелких засранцах, когда работал над документом, а о неприличных местах мисс... как ее зовут?

– Билли. Да, наверно. Нет! На самом деле нет. Совсем нет! – Скорее о ее больших темных глазах. О разочаровании в них, после того как я попробовал без особого мелодраматизма объяснить ей... твою мать. Что я говнюк, который не хочет им быть. Прекрасно получилось, я от себя в восторге.

– Ты больше не можешь спать. Не можешь есть!

– Давай не преувеличивать!

– У тебя в колонках играет Эд Ширан? – Айзек смеется, как будто Эд Ширан – это полный абсурд. Притом что этот парень написал парочку реально неплохих песен. Взгляд Айзека встречается с моим, и его смех стихает. – Черт, чувак. Серьезно? Эд Ширан? Что пошло не так?

– Я туповато выразился. О'кей, я очень тупо выразился. А потом она вдруг унеслась прочь на своем Гомере – просто не спрашивай, Айз! – и теперь считает, что я козел.

– А ты, конечно, не он.

– Не он же!

– Это трагедия, Седрик. Что будешь делать?

– Исправлю файл. А потом спущу штаны перед Ллойдом и...

– Не делай так, он не любит члены! И киски тоже, поверь мне. Он просто всех ненавидит.

А что сделаешь после падения на колени перед Ллойдом?

– Без понятия. Пойду поем, наверно.

Айзек хохочет:

– Ты еще можешь есть.

БИЛЛИ

– Мы бы хотели два кофе, детка, один бейгл с ветчиной и сыром, один киш с лососем. И еще по поцелуйчику от тебя. Каждому по одному.

Парни в костюмах ухмыляются, глядя на меня. Тот, который заказывал, вытягивает губы, и в моей улыбке появляется жалость.

– Ладно, мальчики, – со вздохом произношу я и демонстративно убираю блокнот в карман нежно-голубого фартука. Мы бы выглядели нелепо в этих фартуках пастельных тонов с хлопучками-конфетами на груди, если бы Мюриэль, хозяйка «Sweesy», не распорядилась надевать под фартуки исключительно черную одежду, чтобы мы не казались маленькими кусочками торта. Мюриэль внесла элемент эмансипации в стиль пятидесятых. – Я сейчас схожу

проверю, все ли в порядке у других посетителей. Потом протру столики, вымою парочку стаканов и приготовлю сэндвичи. А когда закончу и, если буду в настроении, вернусь к вам, и вы просто попробуете сделать заказ еще раз, никого не оскорбляя. Я в вас верю!

Когда я разворачиваюсь, слышу фразу: «Если они тут так обслуживают, то эта лавочка скоро разорится», но игнорировать ее – часть плана.

– Код «оранжевый», – негромко бросаю я Джессике, проходя мимо прилавка. Коллега коротко кивает и теперь не спустит глаз с «костюмов».

Код «оранжевый» означает: «Домогательства – первая стадия: внимательно наблюдать и выставить за дверь, если не воспользуются вторым шансом». Время от времени мы сталкиваемся с такими пустозвонами, как называет их Мюриэль; и почти всегда это посетители не из университета. Некоторые приходят в кампус только потому, что надеются «подцепить горяченьких студенток». Не хочу относиться предосудительно, но, когда «костюмы» появляются в «Sweesy», я всегда настораживаюсь.

«Красный» код случается реже, но случается. Он означает физические домогательства, неоднократные приставания или – тут Мюриэль абсолютно непреклонна – домогательства к гостям. В этом случае мы действуем втроем: двое просят соответствующего клиента уйти, а третья держит в руках телефон, если вдруг потребуется экстренный вызов.

Однако «костюмы», кажется, используют второй шанс. Когда несколько минут спустя я возвращаюсь к их столику, они совершенно нормально заказывают еду и кофе.

– Без обид, – бормочет тот, который в прошлый раз молчал.

Другой кивает:

– Считай это комплиментом.

Комплиментом?

– Не-а, не буду, потому что это был не комплимент, – говорю я и иду к прилавку, чтобы передать Джессике заказ. Звонит дверной колокольчик, и в зал входит компания студенток; постоянные посетительницы, большинство из них я знаю по именам, и их появление поднимает мне настроение.

Код «оранжевый» забыт. Мне не нравится быть официанткой. Даже после стольких месяцев в «Sweesy» я упрямо ношу всего по две тарелки одновременно и до сих пор нервничаю, если у меня на подносе оказывается слишком много напитков. Тем не менее я выполняю свою работу с удовольствием, и дело тут не столько в сумасшедших сэндвичах, багетах, бейглах и капкейках, благодаря которым мы прославились далеко за пределами кампуса, а больше в наших непохожих друг на друга и, как правило, позитивно настроенных гостях.

– Привет, Билли, – здоровается со мной одна из четверки студенток, и, пока я шагаю к ним, чтобы подать меню этой недели, слышу, как Джессика за прилавком уже запускает кофемашину на первый латте макиато.

«Ведь мы знаем, чего вы хотите!» – гласят крупные ярко-розовые буквы на конфетно-розовой вывеске над входом, и да, в случае с большинством гостей так и получается.

– Ты это сделала? – многозначительно спрашиваю я Карлину, которая, насколько мне известно, в начале недели вышла замуж... если все-таки сказала «да».

Карлина ослепительно мне улыбается, ее подружки восторженно вопят, а я обнимаю свежеиспеченную миссис и желаю ей всего счастья на свете. Они со Стивеном действительно пара мечты. Я бы с радостью пришла на свадьбу, но, увы, пришлось работать, так как одна коллега не смогла выйти из-за заболевшего сына.

Записывая в блокнот их сэндвичи с моцареллой и сладким чили и запеченную в хлебном тесте пасту и параллельно помогая им выбрать из двенадцати разных видов кесадильи, я узнаю самые свежие сплетни кампуса: о долгожданных приглашенных докладчиках, которые в итоге не рассказали ничего интересного, о небольших частных концертах, куда можно попасть, только если знаешь кого-то, кто знает кого-то. Я к этому моменту знаю почти всех.

Одна из девчонок интересуется, как прошло мое собеседование. Ну вот зачем она о нем вспомнила!

– Провал, – отвечаю я, пожав плечами. – Я бы слишком сильно по вам скучала, поэтому, видимо, подсознательно все испортила.

Меня сразу же окружают симпатией и сочувствием, но, как и всегда, наше общение остается поверхностным. Я понимаю, что стоит мне на метр отойти от их стола – и девушки обо мне забудут. Но ничего, полный порядок. На самом деле лучше быть не может, верно? Меня видят, люди думают обо мне. И тем не менее никто не загоняет меня чересчур личными вопросами в те области эмоций, которые приносят мне боль. Даже Оливия, с которой я делю ванную, кухню и парочку секретов – а один раз разделила и менструальную чашу, – уже давно не копает так глубоко, чтобы мне не стало больно. Рано или поздно она поверила мне, что в моем прошлом, где поначалу ей виделось нечто темное, нет ничего такого.

Именно так и должно быть. Потому что там нет ничего, что стоило бы вытаскивать на свет. Потому что оно в прошлом.

– Замечталась? – Джессика по-дружески тыкает меня в бок и отрывает верхний листок моего блокнота.

– Чуть-чуть, – признаюсь я.

– Смотри, по-моему, «костюмам» нужен еще кофе.

В этот момент в кафе вливается еще одна волна клиентов, так что я поторапливаюсь, чтобы никому не пришлось долго ждать, и несу полные тарелки и чашки, стаканы и миски в одну сторону, а пустые – в другую. Народу становится больше, и вот все столики уже заняты, и следующие гости заказывают еду навынос, чтобы поесть на лавочках на улице.

А потом – я как раз спешила обратно к Джессике с новым заказом и переставляла себе на поднос сэндвич с камамбером и голубикой и песто с базиликом – мой взгляд неожиданно зацепился за человека в дверях.

Сперва я подумала просто: *Бред, это не он*, а потом: *Черт, это все-таки он*.

Седрик переступает порог, подходит к стойке, говорит что-то Джессике, опирается локтями на прилавок и слегка наклоняется к ней, слушая ее ответ. Внезапно они оба переводят глаза на меня, и у меня пересыхает во рту.

Так нечестно.

Что ему здесь нужно? Еще раз меня оскорбить?

– Честно, я не знаю, что с тобой, – сказала мне Оливия, после того как позавчера я, очень расстроенная, пришла домой и швырнула ей на кровать одолженные у одной из ее подружек туфли. – Ты всегда твердила, что не хочешь ни с кем встречаться, не хочешь отношений. «Против секса ничего не имею, на все остальное мне плевать», – твои слова. А теперь дуешься, потому что парень хочет того же? Я это должна понять?

И правда такова: нет. Не должна. Я сама этого не понимала. Потому что она права. Я больше не хотела ничего серьезного. Свои прошлые отношения я испортила настолько паршивым образом, что по сей день иногда задаюсь вопросом, а способна ли в принципе с кем-то встречаться. Или во мне так же силен «вольный дух», как у мамы, которая тяготится любыми обязательствами и после развода с моим отцом заводит разве что знакомых... но до сих пор нет таких, кого бы она представила мне хотя бы по скайпу. И я все еще переживаю из-за Тристана. Он был невероятно любящим, заботливым парнем с инстинктом защитника. А я оставила ему письмо, где написала, что в его объятиях не могу дышать. Высший пилотаж.

– Но не с Седриком, – ответила я Оливии, и каждое слово мне пришлось выдавливать.

– *Он* для тебя недостаточно хорош? Кого ты ожидала – Кита Харрингтона? Подожди, я быстренько проверю, сумею ли его тоже найти в *Instagram*. Seriously, Билли, может, тебе стоит подогнать свои запросы под реальность?

– Да я же не это имела в виду! Кит – это неплохо. Но Седрик Бенедикт... он слишком хорош для истории на одну ночь.

– Ах вот как. – Оливия фыркает, хоть и с более миролюбивым видом. – А Кит – нет? Кит не слишком хорош для чего-то ни к чему не обязывающего?

– В конце концов, он еще не доказал, что он лапочка и с чувством юмора. И не проявлял ко мне внимания, и... мне не понравилось находиться с ним рядом. – А если бы и да, то мне ничего об этом не известно. Легко мечтать об отсутствии обязательств, пока реальность не предлагает тебе ничего подобного. По крайней мере, ничего настолько... убедительного.

Возможно, проведя столько времени без мужчины, без секса, без хотя бы одного проклятого поцелуя, я просто струсил.

Думала я позавчерашним вечером. Вчера. Сегодня утром. И вплоть до этой секунды.

А теперь мистер Только-на-Одну-Ночь стоит у прилавка, взмахивает рукой, опускает при этом голову и улыбается своей четвертьулыбочкой, как будто немного стесняется. И у меня возникает спонтанный порыв схватить его за воротник черной футболки, очень крепко схватить, встряхнуть, а потом... выставить за дверь. Потому что Седрик сексуальный. Накачанный и красивый. Что было бы абсолютно нормально, если бы ко всему не добавлялись обаяние, чувство юмора и смутное первое впечатление о наличии интеллекта. После одной ни к чему не обязывающей ночи я бы просто безнадежно пропала, даже если бы он оказался не очень в постели.

Господи боже, с таким набором качеств застенчиво улыбаться запрещено. Это запрещают правила приличия.

Пульс подскакивает до ста восьмидесяти, и я чертовски рада, что у меня получается без происшествий поставить поднос на стойку.

– Привет, Седрик.

– Привет. Есть пара минут?

Джессика мне кивает, а я поспешно выпаливаю:

– Нет.

– Да ладно тебе, Билли, пожалуйста. Две минуты.

Я смотрю на него, прямо в – как назло, блин, – синие глаза в обрамлении – как назло, блин, густых – черных ресниц. Может, объявить Джессике код «оранжевый»?

Он медленно моргает, и я понимаю: мне бы пригодился код «красный», но его называть нельзя.

– Одну минуту? – говорит он с мольбой в голосе. – Я пришел сюда ради этого.

– Он уже приходил днем, – вставляет Джессика, протирая стакан. – Перед твоей сменой. Если бы он спросил о тебе, я бы тебя предупредила.

– А тут кто-то старается, – приторно произношу я. Черт, да что со мной такое? Почему я веду себя как дамочка, которой изменили после помолвки?

Мозг, алло. Он не сделал нам ничего плохого. Просто из-за него разбушевались тупые гормоны. Давай, пожалуйста, немножко ограничим режим сучки?

– Извини, – бурчу я, и к щекам приливает жар. Супер. Теперь перед ним очаровательная картина. Стерва, которая обливается потом.

Тут же следует упрощающая все мысль: конечно, я выпендриваюсь, но у меня ведь на то веская причина. Я хочу спугнуть его, прежде чем привыкну к виду мускулатуры на его предплечьях и начну по нему скучать. Татуировка доходит до сгиба локтя. Было больно ее делать? В этом месте кожа такая тонкая и...

О боже мой. Мозг. *Пожалуйста!*

– Твоя минута скоро истечет, – подсказывает Джессика, всегда готовая прийти на помощь, и Седрик откашливается, натянуто улыбается и быстро теряет свою попытку.

– Я... Ты считаешь меня козлом, знаю.

Этот тип совершенно сбивает меня с толку. Мужчины, которые хотят только секса, не мнутя. Нет, если они выглядят так, как парень передо мной, они не испытывают ни малейших проблем с получением того, чего желают. А главное, мужчины, которые хотят только секса, после отказа не заявляются к женщинам на работу. Так поступают сталкеры, но им перед этим и отказ не нужен. Мужчины, которые хотят только секса и которых отшивают, ведут себя высокомерно, как будто и переспать-то с вами хотели исключительно от скуки. Чаще всего они отпускают в вашу сторону сексистские оскорбления, а затем начинают троллить.

– Прости.

Такого. Они. Не говорят. Никогда.

– Мне действительно очень жаль, если я тебя обидел.

– Ну, ничего плохого ты не сделал, – бормочу я. И, кстати, правда. Почему я еще недавно хотела вытолкать его за порог? – Я просто... не ожидала.

Разочаровалась. Вот подходящее слово. Я разочаровалась, потому что нафантазировала себе нечто большее. Наверно, не сразу крепкие отношения, но все-таки что-то большее. Мне захотелось узнать его поближе.

– Мне правда понравилось с тобой гулять, – признаю я. – Меня... ну, может, не совсем задело, что тебе оказалось неинтересно провести со мной больше времени, но... – Как там надо в Ливерпуле? Что в душе, то и на языке, а душа нараспашку? – О'кей, нет. Именно так и было. Меня это задело.

У меня между лопаток выступает пот, а Седрик тем временем просто смотрит мне в глаза. И кто утверждал, что откровенность – это легко? Мне срочно необходима реабилитация. С дельфинотерапией.

– Отвечай, – советует Джессика Седрику. – Сейчас. Билли уже машут посетители. – Она до сих пор полирует тот же самый стакан? Как можно быть такой любопытной?

Седрик не отвечает. Лишь едва заметно кивает, словно осознал что-то, чего не понимал прежде.

– Минуты недостаточно, – затем заключает он, и это звучит с такой обескураживающей уверенностью, как будто заминка и извинения ни за что – не более чем плод моего воображения. – И двух минут тоже. Кроме того, мне бы хотелось поговорить с тобой наедине. – Он одаривает Джессику очаровательной *полной* улыбкой и произносит: «Извини», после чего вновь поворачивается ко мне, а улыбка исчезает. – Не хочешь поужинать со мной завтра вечером?

Поужинать. Поужинать?

– Я... не знаю. – Мысли в голове противоречат друг другу. Спор начинается с: «Да, конечно, а ты будешь есть без рубашки?», а заканчивается на: «Потом тебя ждет отрезвление, Билли, не делай этого, просто не делай этого!»

– Мы могли бы поговорить, – добавляет Седрик.

– Разговоры ведут к тому, что люди узнают друг друга ближе, разве нет? – недоверчиво уточняю я. – То, для чего ты был неподходящим парнем.

Теперь он улыбается, но улыбка выглядит необычно вымученной, почти отчаянной.

– Я справлюсь. И объясню тебе, что имел в виду. Ты поймешь.

Ты поймешь? Это все еще звучит как: «Ты окажешься в моей постели». К сожалению, я не могу этого исключить.

– Знаешь парковку у доков? – спрашивает он. – Я буду там в восемь часов.

– Я работаю до семи, это слишком...

– Не работаешь, – перебивает меня Джессика. – У тебя уже накопились сверхурочные, освободишься в пять.

В первый раз об этом слышу, но ладно. Я вздыхаю:

– Оставь мне свой номер. Я подумаю и отвечу тебе.

В тот момент улыбка добирается до его глаз и вдруг становится непринужденной.

– Нет. Я буду там. Ты придешь или не придешь. Решение за тобой.

С этими словами Седрик дружелюбно кивает Джессике, бросает мне «Чао», как таинственный запакотанный подарок, который я должна открыть позже, и уходит.

А я смотрю ему вслед и даже через несколько секунд после того, как за ним закрылась дверь, замечаю, какой эффект он оказал на людей в зале.

По какой-то причине все они улыбаются.

Или это я улыбаюсь?

БИЛЛИ

– Седрик Бенедикт? – спрашивает многозначительным тоном одна студентка, когда чуть погодя я подхожу к ее столику с раскрытым блокнотом в руке, чтобы принять заказ у нее и ее подружки. Ее зовут Лиза, она часто тут бывает, а с подругой я не знакома.

– Прошу прощения. – Я стараюсь казаться невозмутимой, но чувствую, как щеки снова начинают пылать. – Его сегодня нет в меню.

Она не смеется, а прищелкивает языком.

– Реально, Билли. Этот тип не стоит страданий, которые причиняет. Он странный парень. Одиночка. У него даже друзей нет.

Ее резкие слова выбивают меня из колеи. Еще секунду назад она расплывалась в улыбке, глядя на Седрика, как и практически все остальные, а теперь отзывается о нем так, будто он последний гад?

– Прошу прощения, – помедлив, повторяю я. – На самом деле вы не должны становиться свидетелями личных дел официанток. Это было глупо с моей стороны, пожалуйста, не рассказывайте Мюриэль.

– Я серьезно говорю. – Лиза обменивается взглядом с подругой, и та авторитетно кивает.

– Конечно, он секси. – У второй девушки красивое лицо с нежными чертами, как с картинки, и золотисто-рыжие волосы. К сожалению, толстым слоем макияжа, который должен перекрывать веснушки, она его только портит. – И что-то в нем есть. С ним чувствуешь себя как-то... хорошо. Но дважды подумай, что делаешь. Он знает, как влияет на окружающих, и пользуется этим.

– Сюзан права, – подтверждает Лиза. – Видимо, его план в том, чтобы переспать с половиной университета. При условии, что девочки достаточно симпатичные.

Во взгляде Сюзан я замечаю сочувствие.

– Наверное, студентки у него закончились, поэтому перешел на работающих девушек. Но вообще-то...

– Да? – осторожно спрашиваю я, хотя и сама уже поняла, что совершила ошибку.

– Ну, вообще-то, ты не в его вкусе.

Вот спасибо. Как бы я жила дальше без этой информации?

– Минуточку, – внезапно встречается Карлина, сидящая за соседним столиком. – Простите, что вмешиваюсь, но я не могу просто оставить все как есть.

Лиза и Сюзан, слегка растерявшись, оборачиваются на нее и обмениваются взглядами, на которые в любом комедийном сериале наложили бы злорадный смех.

– Разве *ты* не должна знать, о чем мы? – интересуется Лиза с нотками высокомерия в голосе.

Сюзан наклоняется в мою сторону и шепчет:

– Говорят, она изменила своему жениху с Седриком.

– М-м-м... Не думаю, что меня это касается. – Надо было все-таки объявить этот проклятый «красный» код. – Что ж, хотите что-нибудь заказать или...

Карлина словно становится на полголовы выше, не вставая со стула.

– Я действительно прекрасно знаю, о чем говорю. И именно поэтому знаю, что вы в основном распространяете слухи. Вы даже не знакомы с Седриком.

– В самом деле странно, да? – подчеркнуто дружеским тоном отвечает Лиза. – Сюзан изучает те же предметы, что и он. Но крайне сложно познакомиться с человеком, который появляется в университете, только когда снова хочет кого-нибудь подцепить.

Карлина фыркает:

– Это неправда.

Сюзан откидывает рыжие волосы за плечи:

– Значит, неправда, что он заводит исключительно интрижки на одну ночь и не допускает даже намека на нормальные отношения?

Карлина качает головой:

– Это его личное дело.

– Точно, вас это не касается, – соглашается одна из ее подруг, но прозвучало как-то нерешительно, словно она поддерживает Карлину только из чувства преданности.

– Нам жалко женщин, которыми он пользуется ради этого, – парирует Лиза, и ее взгляд в сторону Карлины теперь открыто выражает сострадание. – Я не понимаю, почему ты продолжаешь его защищать, притом что он поступил с тобой так же, как со всеми остальными. Не у каждой есть бывший, к которому можно вернуться, когда Седрик с ней наиграется.

Лицо Карлины наливается малиново-красным цветом, а мне постепенно становится плохо. Во-первых, потому что у меня не получается оставаться абсолютно хладнокровной к тому, что говорят Лиза и Сюзан. Во-вторых, потому что здесь вот-вот обострится ссора, которую спровоцировала я. Если и был подходящий момент, чтобы ее завершить, я его упустила. Черт! Стоит Мюриэль хоть краем уха об этом услышать, она меня поджарит и выгонит. «Никаких кошачьих драк», – гласит ее правило номер один.

– Пожалуйста, перестаньте, – тихо прошу я. – Мы не можем обсуждать это тут. И так, что вам принести? – «Пожалуйста, просто уйдите», – думает часть меня, которая и сама с превеликим удовольствием бросила бы все и сбежала домой. Но никто не уходит. Лиза и Сюзан как ни в чем не бывало заказывают капкейки, а Карлину успокаивают подружки, которые, в свою очередь, стреляют ядовитыми взглядами в сторону первых двух. Воздух между двумя столиками настолько уплотняется, что его можно нарезать на блоки и построить из них стену. Как назло, никто этого не делает, а было бы очень кстати.

И все из-за того, что здесь появился тот парень? У меня что, было нечто вроде свидания с персоной нон грата и самым горячим парнем в городе *одновременно*?

– Что случилось? – шипит Джессика, когда я возвращаюсь к прилавку.

– Седрик Бенедикт случился, – шепчу я в ответ. – И я не могу его поймать, потому что он уже ушел. Если он каждый раз поднимает такую шумиху, то я больше не хочу его тут видеть!

Джессика морщится:

– Ходят слухи, что обычно он почти не появляется в кампусе, я и сама подумала, что разговариваю с фата-морганой. Не спрашивай, как он справляется с учебой, если не ходит на занятия. Что ж, его мать, должно быть, зарабатывает миллионы, так что ему можно не беспокоиться о собственном будущем.

– Его мать? – Я вспоминаю леди, с которой он был в музее. Разве у меня не возникло ощущения, что я уже где-то ее видела? – Она известная личность?

Джессика ухмыляется:

– Она певица сопрано. И не где-нибудь, а в Королевской опере в Лондоне. Тот, кто разбирается в классической музыке, не может ее не знать.

О, шик. Даже Джессика знает все о Седрике. Но она все-таки учится в этом университете.

– Я и не подозревала, что ты любишь оперу.

Она небрежно пожимает плечами:

– Мой отец – большой фанат Лоры Бенедикт. С тех пор как папа узнал, что я учусь в том же универе, что и ее сын, он лелеет надежду, что я выйду за Седрика замуж и войду в их семью. Но ждать ему придется долго. Парень не в моем вкусе. Мне нравятся верные, приземленные мужчины, а не ветреные плейбои.

– Ясно. – Да, Джесси, я понимаю. – Можно попросить тебя сегодня взять на себя обслуживание? – Обычно я отдаю ей работу за прилавком, потому что она творит чудесные узоры на молочной пенке, в то время как мои попытки всегда выглядят так, будто в кофе в жутких мучениях утонула жирная муха. Но сегодня... – Иначе они сейчас развяжут войну из-за вопроса, переспать мне с Седриком Бенедиктом или нет.

– Ух, – хмыкает Джессика. – Конечно, по рукам. Мне срочно нужно выяснить, какая из сторон сражается за правое дело. К ним-то, – она делает суровое выражение лица и изображает, словно проводит под правым глазом две полоски военного камуфляжа, – я и примкну.

Качая головой, я спасаюсь бегством к формочкам и сковородочкам для сконов и вафель. Даже знать не хочу, какая сторона, по мнению Джессики, права.

Чуть позже мне удастся перевести дыхание, поскольку Лиза и Сюзан уходят. Едва они покидают зал, атмосфера за соседним столиком разряжается, а вместе с ней и поднимается мое настроение. По крайней мере, никто не вцепился никому в волосы, и если мне немножечко повезет, то Мюриэль не станет известно, что из-за меня поссорились посетители. Хотя на самом деле виновата в этом совсем не я, а Седрик. Который, впрочем, пришел сюда лишь ради того, чтобы сообщить мне, что он не козел. Это тоже не возбраняется. И он не обязан был извиняться, но, несомненно, это сделал...

Застигнутая врасплох, я вздрагиваю, и только что вымытый стакан выскальзывает обратно в раковину, когда за стойкой появляется Карлина.

– Все в порядке? – Мой голос звучит чуть пискляво. Почему, черт возьми, все это так выбивает меня из колеи? – Отправить к вам Джессику, или я могу?..

– Билли, я просто хотела тебе кое-что сказать. – Карлина быстро оглядывается, нет ли подслушивающих, но мы одни. – Те девушки не соврали. Седрик... – Она снова обводит взглядом помещение, на этот раз так, как будто где-то там прячется ответ на вопрос, кто или что такое Седрик. – Ну, просто Седрик. В слухах есть доля правды.

Я не совсем уверена, что на это ответить. «Спасибо за предупреждение»? А может, просто: «Жаль»?

– Но все совсем не так, как ты думаешь, – продолжает Карлина, чем окончательно меня ошарашивает. – То, что я изменила с ним своему мужу, неправда!

– Карлина, ты не должна передо мной оправдываться!

– Но для меня это важно. Мы со Стивеном были не вместе, когда завязалась история с Седриком. А Седрик... Могу сказать о нем только одно: он никого не обманывает, и с ним всегда знаешь, что между вами. Он честен от и до.

– Спасибо, – произношу я в конце концов просто потому, что надо хоть как-то отреагировать. – То есть ты советуешь мне встретиться с ним и послушать, что он хочет сказать?

Она беззвучно вздыхает и скидывает обе руки:

– С ним все не настолько легко. Если он тебя зацепил – иди и проведи по-настоящему классный вечер. Но если в животе порхают бабочки и чувствуешь малейший риск в него влюбиться, то...

– То лучше пусть он простоит там один весь вечер?

– То пусть простоит там всю ночь.

БИЛЛИ

Когда на следующий день ранним вечером я возвращаюсь домой, дверь из комнаты Оливии лежит на двух стульях посреди нашей соединенной с кухней гостиной, а свежая краска баклажанового цвета капает на застеленный газетами пол.

В бирюзовых волосах Оливии появились баклажановые пряди. Интересно, оно смывается, или можно считать, что она покрасилась?

– Ты уже волнуешься? – любопытствует она, прокрашивая кисточкой края. – Из-за предстоящего свидания?

– Никакого свидания, – откликаюсь я. – Сегодня приходила почта?

Оливия бросает на меня взгляд и закатывает глаза.

– Да, была. Счета, они приколоты к холодильнику.

– Но из музея все еще ничего?

– Билли. Если придет почта из музея...

– То ты мне позвонишь, знаю. Прости. – Протиснувшись к холодильнику мимо громадной двери, лежащей на пути, я внимательно изучаю счета. Мы с Оливией делим все, что касается квартиры, пополам, и тем не менее иногда нам обоим приходится туго. Мне – потому что, работая официанткой в студенческом кафе, больших денег не заработаешь; а Ливи – потому что родители оплачивают ее обучение и разумный образ жизни, но не регулярные налеты на магазины одежды. Ее аргумент «Но это же все секонд-хенд!» совершенно не соответствует действительности, так как дизайнерские шмотки, от которых ей сносит крышу, даже после двадцати семи хозяев стоят целое состояние.

– Сорок фунтов за краску? – говорю я. – Что ты собралась красить, Оливия?

– Как здорово, что ты спросила. – Подруга убирает волосы назад и тем самым красит себе еще одну прядку. – У меня есть еще розовый и бирюзовый. Можешь выбрать цвет для своей двери, а другой пойдет на дверь ванной.

– О'кей, – тяну я. Наше неписаное правило: за оформление квартиры отвечает Оливия, так как она изучает дизайн. Медиадизайн, правда, а не дизайн интерьера, но не хочу придираюсь. Она уже давно живет в квартире в районе Уолтон. Когда я перебралась в Ливерпуль, я спала на заднем сиденье Гомера и отправляла заявки на любую съемную комнату и любую работу, которую только могла найти, а она как раз выгнала своего предыдущего соседа из-за плесени и коробок из-под пиццы. Я до сих пор считаю, что такое может быть допустимо. Оливия была другого мнения, мы спорили до позднего вечера, и я сначала осталась на ночь, а потом и насовсем. Это по-настоящему классная квартира над арабским барбершопом и с пабом напротив, что в сочетании означает шум от рассвета до заката – однако этот шум поначалу меня заворожил, а теперь убаюкивает. Все здесь искреннее и живое, люди ссорятся, радуются, любят и поют либо со всей страстью, либо вообще никак. На меня это действовало так расслабляюще, как монастырь молчальников¹⁷ на человека, не переносящего шум. Я не переносила тишину. Безупречный порядок и чистоту. Запрет на все запахи, кроме комнатных ароматизаторов или духов.

– Кстати, я не ослышалась? – спрашивает Оливия, пока я, вплотную прижавшись к стене, пробираюсь мимо ее двери к своей комнате, чтобы не испачкаться краской. Черт. Я надеялась, что она вспомнит про свои вопросы, только когда будет уже слишком поздно.

¹⁷ Имеется в виду монастырь траппистов – монашеского католического ордена, который придерживается более строгих правил, чем другие. Из-за требования соблюдать молчание (за исключением молитв) траппистов также называют «молчальниками».

– Или что это значит – никакого свидания? Вы же идете ужинать. В доках, ты сама говорила. Уверена, он поведет тебя в Чайна-таун. Там отличные суши.

Что было бы весомым аргументом, потому что суши я люблю.

– Суши японские, а не китайские.

– Но в Чайна-тауне это никого не волнует. У них всегда есть суши.

Ох, какая же она простая! Как будто можно просто есть суши где угодно, если они есть на витрине.

– Не думаю, что Седрик ест суши. Забыла? Морская биология. Скорее всего, он прочитает мне лекцию о чрезмерных уловах рыбы и отравлении тунца тяжелыми металлами.

Оливия чешет нос. Если продолжит так и дальше, то через полчаса станет баклажановой с головы до пят.

– Обычно такую лекцию читаешь ты. В основном мне и себе самой.

Я провожу рукой по волосам. Она права.

– Как здорово, что мы бедные и редко можем позволить себе суши.

– Потому что ты сноб и ходишь только, – рукой с кисточкой соседка рисует в воздухе кавычки, – в *настоящие* суши-бары.

– Моря бы опустели, если бы я покупала дешевую фигню, Ливи.

Подруга делает вид, что бросает в меня кисточку, в результате чего капля краски падает на уже покрашенную дверь. Она комментирует это ругательством и тут же пытается исправить.

– Но ты права, морские биологи всегда спасают мир. А существуют веганские суши?

– Очень даже широкий выбор.

– Супер. И все-таки, чем бы вы ни ужинали, веганскими блюдами, сырой рыбой или обезьяньими мозгами со льдом, это есть и будет свидание. Что ты наденешь?

– Ничего.

– Смело! – Она морщит лоб. – В каком смысле «ничего»?

– Спортивные штаны и шерстяные носки, – объявляю я, расстегиваю лифчик под футболкой, с трудом стягиваю его с себя и вытаскиваю через рукав. Потом отправляюсь в свою комнату, и бюстгальтер летит на кровать, в то время как я поворачиваюсь к Оливии, которая последовала за мной до дверного проема и теперь стоит там, критически глядя на меня.

– Мне бы не помешали судороги в мышцах, от них из головы исчезают все мысли, которых там чересчур много. Поэтому я подумывала съездить на скалодром и пролезть парочку трасс. Но тогда завтра я буду разбита, а Джоли посмеется надо мной, когда я упаду. Так что сегодня я поленюсь. Позвоню *мамѐ*¹⁸ и поболтаю с ней обо всем на свете – но не о мужчинах. Потом напишу письмо Нанне. А потом проведу время с умопомрачительно красивым парнем. Он будет потрясающе готовить, жить в шикарном доме и закатывать сумасшедшие вечеринки. Еще, может быть, построит карьеру или напишет книгу. Но главное, мы заведем как минимум троих детей.

– Будешь играть в симс? – возмущается Оливия. – Но у тебя свидание с настоящим парнем. И он милый, веселый и симпатичный.

– Пофиг.

– Пофиг? Чего еще можно желать?

– Вопрос в том, чего я *не* желаю. А ответ такой: я не желаю завтра сидеть в куче носовых платков, коробок из-под пиццы и оберток от шоколада и жалеть себя, потому что этот милый, веселый и симпатичный парень не хочет от меня ничего, кроме оргазма. Для меня это перебор.

Оливия мотает головой:

¹⁸ Мама (*португ.*).

– Не воспринимай всерьез то, что наговорили те студентки. Они о себе слишком высокого мнения. Ты же знаешь, для тебя имеет значение мнение только одного человека.

Я опускаюсь на раскладной диван, который после переезда сюда ни разу не собирала.

– И это ты.

Ливи подходит ко мне и садится рядом:

– Правильно. И я говорю: топай в ванну, смывай с себя горячий яблочный пирог, потому что пахнет от тебя именно им. Приведи себя в порядок, а *ego* приведи в шок. И если он тебе понравится, этот Седрик-только-на-одну-ночь, то ты поцелуешь его на ночь, чтобы он потом не смог заснуть до рассвета, но сама вернешься домой. Поняла? Готова поспорить на половину квартплаты, что после этого он наплюет на все свои принципы.

Откинувшись назад, я пялюсь в потолок. С этого ракурса бросается в глаза, какие голые у меня стены. Я до сих пор не повесила ни одной фотографии, не купила ни одного растения и не поставила ни одного стеллажа, словно готова в любой момент собрать два своих чемодана и сложить обратно в коробки книги, которые высятся стопками повсюду, и снова уехать. Даже рамка со снимком мамы с бабушкой, на котором они радостно смеются, просто лежит на письменном столе. Могла бы забить в стену хоть один гвоздик, чтобы ее повесить.

– Ты правда так думаешь?

– Ну да. Я же тебя знаю.

– Лесть тут не поможет.

– А у него есть глаза на лице.

– Еще раз. Лесть не поможет.

Ливи нависает надо мной и хлопает ресницами.

– Причем красивые глаза. И я точно видела, как очарованно он смотрел на тебя этими красивыми глазами.

Смеясь, я пытаюсь ее столкнуть, однако, невзирая на хрупкую фигуру, Ливи не сдвигается ни на сантиметр.

– За десять секунд в музее?

– Американские исследователи пришли к выводу, что мужчинам нужна всего лишь одна пятая секунды, чтобы влюбиться.

– Это не значит, что они обязательно влюбляются. Седрик хочет переспать со мной, а не любить. Вот в чем разница.

– Чушь! Он, может, еще сам не подозревает, как влюблен, но тебе нужно ему это прояснить. Ты что, романы не читаешь?

– Я читаю фэнтези, – отвечаю я, нащупывая толстую книгу, зажатую между краем постели и стеной, чтобы стукнуть ею Ливи по голове, если она сейчас же с меня не слезет. – И тем не менее у меня в шкафу никогда не открывался секретный туннель, мои красные туфли не вызвали ураган, а единственной птицей, которая влетела ко мне в окно, был голубь. Главное слово здесь «был», бедняга умер в процессе.

– Мои соболезнования. – Оливия наконец скатывается с меня, вскакивает на ноги и идет к моему шкафу, чтобы распахнуть его и начать отбор. – Кроме того, меня сегодня вечером не будет. Ты бы осталась совсем одна со своим мужчиной из симс, а меня бы замучила совесть.

– А куда ты идешь? – Она ничего такого не упоминала.

– Дополнительная репетиция в нашем любительском театре. Они очень нам нужны, и теперь до премьеры мы будем встречаться по три или четыре раза в неделю вместо двух. Постановка действительно непростая.

– Та политическая пьеса, о которой ты рассказывала?

Оливия вешает блузку в широкую полоску на дверцу шкафа.

– Да. Мы играем европейские страны. Я Норвегия. Неразговорчивая, богатая и красивая, но тем не менее доброжелательная. Знаешь, как тяжело быть Норвегией?

– Я еще никогда не была Норвегией, нет.

– Кстати, у нас все еще не хватает актрис. Никто до сих пор не захотел быть Венгрией – хотя это ведь такая интересная роль. Искренняя и неунывающая, но по какой-то непонятной причине в ней правит диктатор-нацист. А ты не хочешь?..

– Я ни при каких обстоятельствах не хочу быть Венгрией, – перебиваю я Ливи, пока ее идея не оформилась в план. – И никакой другой страной тоже. Не хочу играть в театре.

Мой голос невольно приобретает меланхоличный оттенок. В школе я с удовольствием играла в театре, но это увлечение было первым, что отец вычеркнул из моей жизни, когда дела стали выходить из-под контроля. Я не могу вернуться туда без страха, что *все* начнется заново. Не могу оглядываться назад, если не желаю, чтобы то, что осталось за спиной – заброшенное, завершенное, – вновь открыло на меня охоту.

– В любом случае хуже Франции тебе не стать. У него такой акцент, что кажется, будто кровь течет из носа. У тебя бы получилось гораздо лучше.

Она говорит это из лучших побуждений, и я никогда не рассказывала ей, почему мой интерес к театру ограничивается тем, что я глотаю слезы на каждой эмоциональной сцене. Да, Ливи замечает, что я люблю театр почти так же сильно, как и она сама. На ее месте я бы тоже попробовала меня приобщить.

Оливия достает из шкафа комбинезон с завязками на шее:

– Святая Мария, а это еще что за секси-штучка?

– О боже мой. – До этого момента я даже не знала, что он все еще у меня. Я действительно тогда взяла его с собой? Но зачем? Может, тонкая шелковистая ткань просто случайно проскользнула между свитерами? – Ну, как бы то ни было, а его я не надену. Даже попытка будет чистым унижением: раньше я носила тридцать шестой, а теперь – на два размера больше.

Ливи складывает костюм, чтобы снова убрать.

– Как насчет этого? – Подруга показывает мне кремовую кофточку с вырезом «кармен» – со спущенными плечами.

Я в нерешительности выдыхаю.

– С джинсами и коричневыми ботинками? Неплохо. – Ни к чему не обязывающий наряд, идеальное сочетание повседневности и сексуальности. – Будет создаваться впечатление, что я ходила в этой одежде целый день, а не наряжалась специально для Седрика.

Оливия издает пронзительный визг:

– Значит, ты пойдешь, да?

– Ничего подобного я не говорила! – Вот коза! Она меня подловила.

– Но и не сказала еще раз «нет»! – Ливи решительно роется в моих брюках в поисках джинсов, в которых я больше всего ей нравлюсь, и кидает то и другое мне на кровать. – Сходи ради меня, Билли. Иначе я весь вечер не смогу сосредоточиться на своей Норвегии – буду переживать, что ты тут прозябаешь в одиночестве со своими симами.

Я со вздохом натягиваю на голову одеяло.

– Ты коварная манипуляторша.

Оливия сдергивает с меня одеяло:

– Ага. И максимум в восемь часов я требую фотодоказательство, что ты там.

У меня вырывается рык.

– Почему для тебя это так важно? Седрик не единственный симпатичный парень на острове.

– Ты хоть раз проверяла его Инстаграм?

– Конечно нет! А ты?

Меня не должен удивлять ее смех.

– Я подписана на него с прошлой недели. Этот парень ходит на демонстрации против брексита¹⁹ и репостит выступления Джинны Миллер²⁰. К тому же у него самая страшная кошка на свете. Бурого цвета и с одним глазом.

– Черт.

– Все не настолько плохо.

– Нет, в смысле: черт, это слишком хорошо звучит. Политически активный, умный, любит кошек, не поверхностный.

– Спортивный, – вставляет Ливи, как будто я могла об этом забыть. – Он бегает. Регулярно. В парке или на побережье.

– Все чересчур идеально, – говорю я. – Либо он станет главной любовной трагедией в моей жизни, либо этот тип – одно большое шоу, а в реальности – психопат.

Оливия закатывает глаза:

– Либо ты просто истеричка, а он – не более чем приятный парень, с которым ты не хочешь знакомиться, потому что его кошка без одного глаза для тебя чересчур идеальна. Чего ты на самом деле хочешь? Чего ты так боишься?

– А почему тебе это так важно? – откликаюсь я, стоически игнорируя ее последний вопрос, пусть это и – не могу выразиться иначе – чертовски хороший вопрос. – Можно подумать, что ты в него втрескалась. Почему бы тебе самой не пойти?

– Пошла бы, – в удивительно хорошем настроении заявляет Ливи, – если бы не Польша.

– Польша?

– Польша. Ее зовут Десна, ее семья владеет индийским рестораном на Уолтон-стрит, где я всегда беру чхале бхатура²¹, и она так божественно играет таинственную католическую Польшу, что я влюбилась сразу во все. В Польшу, чхале бхатура и в Десну.

Выпрямившись на кровати, я тереблю пальцами завязку на кофточке-«кармен».

– Ей нравятся женщины?

– Отличный вопрос. – Оливия широко ухмыляется. – Без понятия. Мне об этом известно не больше, чем тебе – планирует Седрик Бенедикт завести с тобой что-то серьезное или просто хочет залезть тебе под юбку. Но мне дико любопытно это выяснить.

Я вздыхаю:

– Я подумаю.

Ухмылка подруги превращается в сияющую улыбку.

– Но сначала позвоню маме и напишу Нанне.

– Главное – правильно расставить приоритеты. – Она пальцами снимает чуть подсохшую краску с волос. – А я сперва схожу в душ. Меловая краска с волос смывается?

СЕДРИК

– Я очень хочу, чтобы ты участвовал, Седрик. *Werkelijk*²². Но в этот раз не смогу менять курс ряды тебя. Институт без проблем собрал экспедицию только потому, что ожидается оптимальная погода, но бюджет небольшой. У меня не будет возможности высадить тебя где-нибудь.

Из-за голландского акцента капитана Яннеке Верстратен даже ее серьезные фразы всегда звучат невероятно дружелюбно, почти мило, но я расслышал то, что она хочет мне сказать: если поплывешь с нами, все должно пройти гладко.

¹⁹ Брексит (*англ.* Brexit: от Britain (Британия) + exit (выход)) – выход Великобритании из Европейского союза.

²⁰ Британская политическая активистка.

²¹ Блюдо индийской кухни; нут в густом пряном и остром соусе с пышной лепешкой, пожаренной во фритюре.

²² Правда (*голланд.*).

– Знаю, капитан. И я действительно благодарен за второй шанс.

– *Ach wat*²³, я тебя умоляю! – Яннеке встает, вынимает стакан из кофеварки и наливает нам обоим. На ее движениях ни секунды не отражается то, что корабль постоянно слегка покачивается, даже когда он пришвартован в гавани. – Ты и третий получишь, если это будет зависеть от меня. Ведь из всех ученых, которые когда-либо отправлялись с нами, ты первый, кто приходит поздороваться с нашей командой в вашем порту и угощает *lekker*²⁴ сконами.

– Заметил, что ты их любишь. – Однако я не ожидал, что большинство моряков вежливо откажутся от нашей традиционной английской выпечки. Как и того факта, что их хрупкая женщина-капитан слопает чуть ли не половину булочек, которые я принес на всю команду.

Помимо прочего, это не просто визит *добро-пожаловать-в-Ливерпуль*, а в первую очередь извинение. В прошлом году я уже участвовал в качестве практиканта в исследовательской поездке на борту «Клеверига», и пользы от меня тогда было мало. Вместо этого капитан Верстратен и ее экипаж потратили на меня полдня, потому что мне пришлось прервать путешествие. Полдня, за которые ей тогда попало, о чем я узнал намного позже.

– Я больше хотел поблагодарить, а не поздороваться, капитан. Сама знаешь почему.

Яннеке какое-то время смотрит на меня, пряча улыбку в уголке губ. Ей сорок с небольшим, однако в своих линялых футболках и с толстой косой светлых волос она выглядит гораздо моложе, хотя солнце оставило ей тысячу мелких морщинок вокруг глаз. Ее слово на этом корабле закон. И тем не менее ей можно рассказать все без исключения.

– Пожалуйста, Седрик. А я уже с нетерпением жду вторника. Если осилишь, будь на пристани вовремя. Если же нет...

В воздухе ненадолго повисает тишина. Через открытую дверь маленького практичного камбуза, судовой кухни, доносится музыка. Это один из туристических паромов, и из динамиков раздается не что иное, как «*Ferry Cross the Mersey*» группы «*Gerry and The Pacemakers*».

Яннеке кладет булочку в рот.

– Это «*The Beatles*»? Я слышала, вы тут ничего, кроме «*Beatles*» не слушаете. Но даже на кораблях?

Мы оба не можем сдержать смех, и следующие двадцать минут я делюсь с Яннеке советами, как ей провести свободные выходные в Ливерпуле. Параллельно мы моем кофейные чашки, а потом, несмотря на то, что начинается дождь, прогуливаемся по «Клеверигу», который теперь останется один у причала на долгие выходные. Яннеке проверяет швартовку, каждую дверь и каждый люк. Оставшиеся матросы уже сошли на берег, и на соседних кораблях в этом районе порта ранним вечером тоже мало что происходит.

– До вторника, – говорю я, когда мы заканчиваем и Яннеке берет свой увесистый рюкзак, чтобы отправиться в отель. – А если нет, то увидимся в другой раз.

– Увидимся, – с улыбкой отзывается Яннеке. – Я уверена. До скорого, Седрик. *Doei!*²⁵

БИЛЛИ

Парковка расположена между фабричным зданием из красного кирпича и гаражным комплексом этажей на двенадцать, однако, несмотря на отметку о наличии здесь службы безопасности, доверия не вызывает. Как хорошо, что старые маленькие машинки вроде Гомера издавна кричат угонщикам: «Брать тут нечего, но из чувства сострадания можешь сам оставить что-нибудь внутри».

²³ Да что там (*голланд.*).

²⁴ Вкусными (*голланд.*).

²⁵ Пока (*голланд.*).

Седрик стоит с подветренной стороны будки-кассы и через опущенное окно приветствует меня со словами:

– Я уже купил тебе билет.

У меня пропадает дар речи; не столько из-за того, что он потратил шесть фунтов на парковку моей машины, сколько потому, что он действительно меня ждал. Я слишком долго проговорила по телефону с мамой, потому что у нее было очень много новостей, опоздала на десять минут, и к тому же шел дождь. У Седрика даже зонта нет, не говоря уже о плаще. Его джинсовая куртка потемнела от влаги. Волосы практически черными прядями свисают ему на лицо, отвлекая мое внимание на легкую, но искреннюю улыбку, а мою фантазию – на поцелуй под дождем. К сожалению – или слава богу? – ливень уже закончился.

Торопливо припарковавшись, я медленно иду к Седрику, который ждет перед въездом. Не то чтобы у меня перехватывало дыхание или участилось сердцебиение из-за того, что я так спешила! Весь мой план на вечер держится на подчеркнуто непринужденной независимости. Это впечатление – реальное или нет – нужно сохранить любой ценой.

Мы здороваемся коротким объятием, слишком коротким, как по мне, и Седрик произносит:

– Рад, что ты пришла.

– Спасибо, что подождал.

Он переводит взгляд с блочного кирпичного здания на облупившуюся краску будки, а затем на какие-то обломки возле забора.

– Теперь я знаю, какие чудесные уголки пропускаю, когда постоянно езжу на метро.

– А куда мы вообще идем? – От вопроса, не холодно ли ему, я воздерживаюсь. Пока.

– Что ты любишь? – спрашивает он в ответ. – И что не ешь?

Опасный вопрос.

– В принципе, я ем все, но пищу животного происхождения – в умеренных количествах и если она производится не на гигантских мясных фабриках. – Супер, Билли. Сразу выстави себя снобом, с которым сложно найти общий язык. – Но могу спокойно сделать исключение, если ты хочешь пойти в стейк-хаус.

Он выглядит абсолютно довольным собой и заявляет:

– Честно говоря, я уже забронировал столик. Но, думаю, ты найдешь там то, что тебе понравится. У них есть что-то со свеклой и редиской.

Не могу понять, шутка это или нет. Свекла и редиска не сводят меня с ума, но я просто улыбаюсь и следую за ним по кварталу Роупвокс по направлению к ближайшей торговой улице.

– Как прошел день? – спрашивает Седрик, и это такая отчаянная попытка втиснуть разговор в наступившую тишину, что у меня вырывается негромкий смех.

– Вполне нормально, кажется. Но ты уверен, что хочешь знать? А то мы еще случайно познакомимся поближе, а... ты же для этого неподходящий парень.

Боже, помоги. Мы еще и тремя предложениями не обменялись, а я уже придираюсь и давя на то, что Седрик вообще-то пытался исправить. Что-то во мне изо всех сил старается его очернить. Вот только на самом деле я все меньше этого хочу.

– Иногда, – откликается он, – я пробую что-нибудь новенькое. Кстати, я тоже хорошо провел день. Мне нужно было принять решение, ехать ли в научную экспедицию, и теперь оно принято.

Научную экспедицию? Мне пришлось следить за собой, чтобы не измениться в лице. Это причина, по которой он не хочет начинать ничего серьезного?

– И ты поедешь?

Он кивает с каким-то чуть ли не воинственным видом. Как будто вел долгую битву и в итоге победил.

– Выходим во вторник. Мы проведем две недели в Ирландском море.

Я быстро смотрю на окно парикмахерской, чтобы он не заметил у меня на лице облегчение. Две недели в Ирландском море – это не кругосветка. Я боялась двух лет в Антарктике.

– Звучит круто. Наверняка вы будете кататься верхом на китах и петь с дельфинами.

Седрик смеется. Это тихий, приятный и низкий смех, которому было бы под силу вызвать тихое, приятное и низкое тепло у меня в животе, если бы я очень внимательно не следила за своим животом.

– В основном мы будем заниматься выделениями скатов и исследовать их на наличие тяжелых металлов и микропластика.

– Не так романтично, конечно, но смысла в этом больше, должна признать.

– Да, определенно. В любом случае, скаты – самые клевые рыбы. Из множества людей они узнают тех, которые их кормят, и даже шутят с ними. Хотя и на китов можно надеяться. Малых полосатиков и морских свиной мы точно увидим, дельфинов тоже. Для горбатых китов еще слишком рано, они приплывают только осенью, но если повезет, то встретим косаток.

Седрик продолжает, и мне хочется слушать вечно, как он рассказывает про рыб, моллюсков и морские растения, которые уже изучал, и сопровождает все это небольшими жестами. Он явно по-настоящему любит свою учебу, что не совсем сочетается с информацией, которую сообщили мне его однокурсницы. Они говорили, что он почти не появляется на лекциях. Это совершенно не вписывается в образ полного энтузиазма Седрика, который он демонстрирует мне сейчас, умудряясь рассказать что-то интересное даже о медузах. Медузах! Периодически он откидывает рукой волосы со лба, однако каждый следующий порыв ветра сводит его попытки на нет.

Я молча думаю, не спросить ли его об этих слухах, но в этот момент мы добираемся до места и шагаем к фуд-корту на Дьюк-стрит.

Ладно, опрометчивым его не назовешь. В круглом зале с колоннами просто тьма киосков, где действительно можно найти еду на любой вкус, хотя здесь немного не хватает уюта, а снующие туда-сюда люди плюс разнообразие запахов и голосов наводят на мысль о вокзале. Чувствуя себя слегка неуютно, я оглядываюсь в толпе. Однако мы не садимся ни за один из столиков, а поднимаемся по лестнице на открытую галерею... и стоит нам там оказаться, как картина меняется. Грубые каменные стены, деревянные столы в стиле кантри и обитые кожей стулья выглядят здесь очень сдержанно и шикарно. За остроконечной стеклянной крышей видно небо, где сейчас разбегаются облака, уступая место позднему оранжевому закату. Сердце ресторана – испанского, как я теперь понимаю, – открытая кухня, которую отделяет от зала лишь стойка. Там проворно, но без спешки работает повар, перемещаясь между газовыми конфорками и открытым огнем.

– Добро пожаловать, странники, – издали кричит нам официант. Меня тепло приветствуют фразой «¡Buenas tardes, señorita!»²⁶, Седрика по-приятельски обнимают. Ага, значит, постоянный гость.

Нас сажают за милый столик у стены с видом на кухню. После того как мы снимаем куртки, я с облегчением отмечаю, что Седрик промок хотя бы не насквозь. На нем небрежно расстегнутая рубашка с короткими рукавами поверх узкой черной футболки. Его взгляд скользит по моим оголенным плечам, и он незаметно облизывает внутреннюю часть нижней губы, а я про себя благодарю Оливию, которая отныне будет выбирать мне всю одежду – каждый божий день.

Официант интересуется, что я буду пить, советует хорошее вино, но ни разу не спрашивает Седрика. Я выбираю вишневый шорле²⁷, все-таки Гомер стоит неподалеку.

²⁶ Добрый вечер, сеньорита! (исп.)

²⁷ Коктейль из вишневого сока и минеральной воды.

– Так как ты, очевидно, часто тут бываешь, наверняка можешь что-нибудь порекомендовать? – Я тянусь за меню, но Седрик кладет на него ладонь, прямо рядом с моей.

– Ты смелая, Билли?

Мне удастся ответить на вызывающую улыбку, пускай это и далось мне не очень-то легко.

– Довольно-таки.

– Насколько смелая?

– Я человек, который приехал в этот город с двумя чемоданами и одной коробкой, двадцатью фунтами на счету и шестью в кармане. Еще вопросы по поводу моей смелости?

– Нет, зато вместо них возникла сотня других. Но что касается нашей еды, я узнал достаточно.

Официант уже возвращается с напитками, Седрику он приносит стильную бутылку воды без газа. Его лицо озаряется, когда Седрик просит:

– Принеси нам то, что считаешь лучшим, Том.

И он тут же вновь исчезает.

– Итак, – говорит Седрик, наливает себе воды в стакан и поднимает его. – А теперь не позволяй мне больше болтать о черноморских плевробрахиях и веслоногих – или можешь просто сходить на лекцию в университете, и тебе не придется со мной ужинать.

Я почти готова признаться, что пойду на любую лекцию, которую он будет читать, по одной простой причине. У него получается делать то, о чем мечтаю я сама: пробуждать в людях интерес к новым темам, которые в результате захватывают их так, как прежде они и представить себе не могли.

Я слегка чокаюсь с ним своим бокалом:

– С чего бы это вдруг?

– Ты уже получила ответ по результатам собеседования?

– Нет. Если честно, я жду только отказа.

– Значит, целенаправленная пессимистка, – заключает он, и я вопросительно выгибаю брови.

– Ты настраиваешься на самое плохое, чтобы реальность впоследствии оказалась не такой горькой и ты не разочаровалась.

– Какой курс ты бросил? Психологию?

Он смеется:

– Нет. Не его. Так я близок к правде?

Да.

– Нет. – Да. – Может, немного.

– Почему ты хочешь работать именно в музее? – любопытствует он, и мне кажется, что наше *не-узнавание-друг-друга-поближе* терпит драматический крах. Вот и славно.

– Я просто хотела этого... всегда. В детстве девочки из моего класса мечтали быть наездницами, ветеринарами или принцессами. Ну а я хотела стать гидом в музее. Остальные со временем постепенно понимали, что верховой ездой денег не заработаешь, ветеринару приходится усыплять милых собачек, а принцесс терроризирует пресса. Я тоже все больше узнавала о своей любимой профессии. Но просто-напросто не могла перестать о ней мечтать. Возможно, лишь потому, – замешкавшись, я тем не менее договариваю, – что не могла это осуществить.

Седрик не выглядит нервным. Но как будто с трудом удерживает руки неподвижными.

– Родители тебя не поддерживали?

– Мама поддерживала, но родители расстались вскоре после моего рождения, и большую часть времени я жила с отцом. Хотя бабушка постоянно присылала мне книги о динозаврах, часто даже по одной в неделю.

Воспоминание отзывается болью, так как по этим книгам я тогда и сообразила, что бабушка больна. Она ни с того ни с сего отправляла их по два и три раза и все отрицала, когда

я спрашивала ее об этом по телефону. Чуть позже мама переехала к бабушке в Бразилию, чтобы заботиться о ней. Как ни странно, я помню, что Нанна уговаривала меня тоже приехать. Я спросила разрешения у отца, а он отреагировал самым невероятным образом. Он заплакал. Поэтому я осталась, ведь для меня было логично: у мамы сейчас есть Нанна, а у Нанны – мама. У папы не останется никого, если и я уеду.

Официант приносит нам хлеб, тем самым вырывая меня из размышлений. Я сосредоточиваюсь на Седрике, потому что хочу находиться здесь, а не где-то среди старых воспоминаний.

Седрик отрывает кусок хлеба.

– Каково было перебраться сюда с Гомером, двумя чемоданами и двадцатью шестью фунтами? Как ты справилась? – Он осекается. – Или это чересчур личное?

– Да нет, – отвечаю я, – иначе я бы не рассказывала. Я тогда искала работу и поняла, что Ирландия и Шотландия слишком дорогие для моих нужд. Сбережения – звучит так, словно раньше у меня водились деньги, но их было всего на пару фунтов больше – закончились, и на тот момент я уже два дня спала в машине.

– Вау. Извини, но... внешне ты не отличаешься от женщин, у которых случается трагедия, если отель не кладет в кровать минимум пять подушек и от банного халата не пахнет духами. А ты спала в этом коры... в этой машине? И ты не боялась?

Постоянно. Но не одиночества или ноющей от напряжения шеи.

– Я всегда парковалась в местах, где никого не было. Чего мне бояться?

Он не отвечает.

– Итак, я искала работу, но подобрать что-нибудь оказалось довольно проблематично. Тогда в одном секунд-хенде после девяти отказов за день я совсем расклеилась и, – у меня вырывается немного стыдливый смешок, – просто разревелась. Продавщица сочла это настолько неуместным, что выгнала меня из магазина. Одна из клиенток наблюдала за этой сценой и побежала за мной, чтобы спросить, все ли в порядке.

– Приличные люди в Ливерпуле... их надо поискать, но они есть. Значит, у этой покупательницы нашлась для тебя работа?

– Нет, этой покупательницей была Оливия. Работы у нее не нашлось. Зато, как выяснилось, были вино, шоколад и совершенно случайно комната в съемной квартире. А после того как я обзавелась комнатой, вином, шоколадом и подружкой, с работой вдруг все получилось само собой.

Облокотившись на стол, Седрик подается в мою сторону:

– То есть никто, кроме Оливии, не захотел тебя поддержать? Твоя семья, друзья?

– Я все оставила в прошлом. По определенным причинам.

– О'кей. – Он кивает, сглатывает и продолжает смотреть на меня.

Я не совсем уверена, что он затрагивает внутри меня, но это вызывает очень сильные эмоции. Кажется, ему близко то, о чем я рассказываю, и неважно, какие у него были намерения.

– Звучит жестко.

– Мне бы помогли, – поспешно добавляю я. – Но я не хотела просить об этом отца. Хотела доказать ему, что справлюсь сама. – А главное, не давать ему подсказок, где меня искать. – А мама не должна была ни о чем узнать, чтобы не передать Нанне. Она старенькая и болеет. Ей недолго осталось. Поэтому мне не хочется ее расстраивать. – К глазам подступают слезы, и мой первый порыв – рассмеяться, чтобы их прогнать. Но я оставляю все как есть. Ну и пусть он увидит, что мне не хватает бабушки.

– Вы постоянно поддерживаете связь? – мягко и осторожно спрашивает Седрик.

Я могу лишь пожать плечами:

– К сожалению, нет. Мы часто разговариваем по телефону, каждые пару дней я пишу ей письма и даже время от времени получаю ответные. Но не навещала я ее уже давно. Как только найду настоящую работу и начну чуть больше зарабатывать... – Я больно прикусываю язык.

Не хотела, чтобы до этого дошло! Он не должен считать меня бедной ноющей девочкой. Разве не из-за того же пострадали наши отношения с Тристаном? От жалости и его потребности все устраивать за меня, вечно ото всего меня спасать – в первую очередь от меня самой?

Я прочищаю горло.

– Нанна сильная. Она продержится до тех пор.

Смена темы – немедленно! Плакать на первом свидании не вариант.

– Как ты поступаешь со своей кошкой, когда уезжаешь в экспедиции? – Он ведь не может упрекать меня в том, что я проверила его профиль? В этом нет ничего плохого. Любая бы так сделала. Или нет? – Не подумай, что я выслеживала тебя в *Instagram*. Это все Оливия.

– Я бы и сам так сделал, – успокаивает меня он. – Но у тебя его нет.

– Нет. – То есть он как минимум попробовал. Интересно.

– Мистер Вейн – так его зовут – стал бы превосходным корабельным котом, но так как мы вылавливаем рыбу из моря ради науки и выпускаем обратно живой столько, сколько можем, он останется дома охранять квартиру. Мой однокурсник будет о нем заботиться.

Значит, ты живешь один с котом, Седрик Бенедикт. И однокурсник приходит нянчить кота. Не друг.

В нерешительности из-за того, о чем спрашивать дальше – комментарии Лизы про «нет друзей, одиночка!» не идут у меня из головы и совершенно не согласуются с этим внимательным парнем напротив, – я тянусь к корзине с хлебом. Та же идея, очевидно, пришла на ум и ему. Мы оба на мгновение замираем и, держа руки в воздухе, смотрим друг другу в глаза. У Седрика подрагивает уголок рта. Я опускаю ладонь в корзину, он делает то же самое, и тыльные стороны наших пальцев соприкасаются ничуть не случайно, а абсолютно осознанно, и у меня внезапно начинает покалывать в животе. Я провожу языком по нижней губе, как рефлекс, который не удается сдержать, и чувствую его взгляд на моих губах.

– Кстати, эта фишка с *не-узнаванием-друг-друга* отлично работает, – весело замечаю я. – Теперь буду знакомиться только с теми, кто для этого не подходит. Так можно пропустить всю ненужную ерунду про любимые сериалы, любимую музыку, любимую погоду и сразу перейти к важным вещам.

– Да, – тянет он. – Но давай обсудим то, что тяжело переварить, после еды, чтобы не испортить себе аппетит. Тогда я с удовольствием расскажу тебе, что у меня нет любимого сериала – их надо делить по жанрам. Любимый научно-фантастический сериал, любимый документальный, фэнтези, приключенческий про гангстеров...

Так вот чем он занимается, когда прогуливает лекции? Запоем смотрит сериалы?

– Про пиратов...

– «Черные паруса», – вырывается у меня. – Забудь все остальное! Мало кто знает этот сериал. Но если тебе нравится, как играют с симпатиями зрителей в «Игре престолов», то посмотри «Черные паруса» и удивишься, как далеко в этом можно зайти.

Улыбка Седрика меняется, и теперь кажется, что он обнаружил тайную сообщницу в моем лице.

– Мы поладим, Билли. Или, как по-твоему, почему моего кота зовут Чарльз Вейн?²⁸

БИЛЛИ

Нам подали тапас, много ароматных мисочек, из которых мы едим вместе, и к каждому из них наш официант Том рассказывает коротенькую историю. В каком регионе готовят теплый салат из редиски и свеклы, что вдохновило шеф-повара на блюдо из сыра с голубой плесенью и

²⁸ Знаменитый английский пират XVIII века; персонаж сериала «Черные паруса».

лиственной свеклы, о том, что он регулярно проводит отпуск на андалузской ферме, где покупает мясо, и что кормит там каштанами свободно гуляющих свиней.

– Я думала, что я хорошая официантка, – негромко говорю я Седрику, когда мы вновь остаемся одни. – Но Том просто мастер. Я готова заказать что-нибудь еще, чтобы он мне об этом рассказал. Мне моментально захотелось в Испанию.

– Ты же еще даже ничего не попробовала.

– Я же говорю о Томе! Будь я настолько хороша, не мечтала бы заниматься ничем другим всю свою жизнь. Если сейчас и еда окажется вкусной...

Седрик беззвучно смеется про себя, и я интересуюсь у него, что его так развеселило.

– Ничего, – произносит он. – Совсем ничего. Мне просто нравится твое восприятие. Оно почему-то поднимает мне настроение.

Не знаю, что на это ответить, однако на секунду я забываю об официанте Томе и даже о еде, как бы она ни боролась за мое внимание, привлекая пряным запахом. Как мне теперь есть, пока Седрик смотрит на меня так, будто сумел заглянуть в самую глубину моей души? Как будто при этом наслаждается тем, что в ней видит? В животе порхают бабочки.

– Мне... нравится ресторан, который ты выбрал.

– Тогда давай поедим, – предлагает он. Одновременно в его фразе слышится нечто тяжелое, словно после еды, например, на десерт, подадут нечто, что мне будет сложно переварить.

Я накладываю себе полную тарелку жареного перца с морской солью, теплого салата из корнеплодов и фаршированных сыром грибов, завернутых в яркие листья свеклы. Вкусы будто взрываются оттенками. Смесь овощей, трав и специй просто сногшибательна, мясо нежное и будто тает на языке, а запеченная и сваренная в сидре колбаса вызывает у меня такой звук, от которого за соседним столиком начинают хихикать. Желание съездить в Испанию улетучивается. Я *уже* в Испании. В идеальной мечте об Испании без корриды и языковых барьеров.

– Черт, – говорю я наконец, когда при всем желании не могу впихнуть в себя больше ни кусочка. – Никогда больше не пойду ни в какой другой ресторан. Все будет казаться пресным и скучным по сравнению со здешней едой.

– Мне в голову приходит еще несколько, которые могли бы составить ему конкуренцию, – отвечает Седрик, откладывая вилку в сторону. – Буду рад дать тебе парочку советов.

Он улыбается. И тем не менее его слова действуют на меня как ледяной душ, потому что я не хочу советы. Я хочу увидеться с ним снова. Хоть за фиш-н-чипс²⁹ в порту, хоть за полуночной тарелкой супа быстрого приготовления, хоть за миской Weetabix у него в квартире.

Подходит Том с новыми напитками, в ответ на мои дифирамбы относительно еды он хочет позвать к нам шеф-повара, однако Седрик качает головой.

– Нам нужна пара минут, – просит он, а Том кивает и оставляет нас одних.

– Мне нравится твое восприятие, Билли, – произносит Седрик. Он уже говорил, но тогда при этом он улыбался. Теперь же фраза, которая кажется позитивной, представляет из себя скорее проблему. – Ты... видишь людей. Восхищаешься ими за то, какие они и что умеют, за вещи, которые другие считают совершенно банальными. Ты видишь, что это не так, что нет ничего банального.

По-моему, я чувствую, как у меня поднимается температура, настолько меня трогают его слова. Не знаю, что сказать, а слова, которые возникают в голове, звучат надменно, хотя и не несут такого смысла.

– Поразительно глубоко для человека, который не подходит для близкого знакомства.

– Да. – Он лишь кивает, после чего запускает руку во внутренний карман своей куртки, висящей за ним на стуле, вытаскивает оттуда коробочку и кладет ее на стол передо мной. – Вот причина.

²⁹ Блюдо английской кухни; жаренное во фритюре рыбное филе с крупными ломтиками картофеля фри.

Я смотрю на сине-белую пачку из тонкого картона. Она размером со спичечный коробок и продавлена, как будто он часто носит ее в кармане. Края намокли от дождя. Пачка таблеток. Таблетки, покрытые пленочной оболочкой, 50 мг, действующее вещество – сертралин. Ни название этого вещества, ни название препарата ни о чем мне не говорят.

– Что это такое? – Я шепчу и, только задумавшись, понимаю почему. Что, если сейчас он скажет, что неизлечимо болен? Возможно, смертельно? Это бы объясняло, почему ему ни от кого не нужно больше, чем кратковременное удовольствие. Сердце колотится как сумасшедшее.

Все это не по-настоящему, правда?

– Антидепрессант, – поясняет Седрик, и я с облегчением выдыхаю.

– Господи, как ты меня напугал. Я решила, что ты тяжело болен.

– Ну, – отвечает он, склонив голову набок. – Не хотелось бы говорить, что это так. Но это так.

– Я имею в виду действительно болен. – *Минуточку, Билли*, мысленно одергиваю себя я. *Вот теперь становится странно*. Вероятно, стоит сначала думать, а потом говорить. – В смысле, смертельно болен. – *Лучше не стало*. – Наверно, мне надо сперва это обдумать.

– Да, – с готовностью соглашается Седрик. – А потом просто спрашивай все, что хочешь знать. Задавай любые вопросы, какими бы бредовыми они тебе ни казались. Самые глупые вопросы намного умнее, чем то, о чем, по их мнению, известно большинству людей.

Кивнув, я открываю рот и снова закрываю. И что тут скажешь? Что было бы приемлемо? «Мне очень жаль» или «Выше голову, все образуется»? Нет, точно не это.

– Сложно такое принять? – тихо спрашивает Седрик. Ему что, жалко меня, потому что я ничего не могу придумать по поводу его диагноза?

– Нет, абсолютно нормально. Просто я удивлена.

Он ухмыляется:

– Я совсем не похож на человека с депрессией, верно?

– Нет. То есть... – А как вообще должны выглядеть люди с депрессией? – Просто не знаю, что сказать. Не хочу ляпнуть что-нибудь не то.

– Не ляпнешь. – Его мягкий, почти нежный тон вызывает у меня странную легкость в животе, несмотря на невероятно тяжелую тему.

– А я боюсь, что да. Я могла бы выдать: «Эй, с чего бы это, жизнь прекрасна!» Или: «Значит, тебе надо поработать над своим отношением к жизни и высвободить положительную энергию». Или подожди! Я могла бы сказать: «Но как ты можешь быть в депрессии – ты же все время смеешься!»

Он действительно смеется. По крайней мере, я добилась этого.

– Риск, что ты скажешь что-нибудь в этом духе, вполне предсказуем. Я на него пойду.

– Очень смело с твоей стороны! Но у меня все-таки возник один вопрос, который я отважусь задать.

Седрик разворачивает руки ладонями вверх:

– Задавай.

– Полагаю, депрессия и – мой взгляд падает на коробку с таблетками – антидепрессанты – причина, по которой ты ни с одной девушкой не хочешь знакомиться ближе?

Медленно выдохнув, он вкладывает одну ладонь в другую и опускает на них взгляд.

– Депрессия – причина того, что я не захожу отношений.

– Совсем никаких? – В голове проносится мысль о том, кто будет кормить его кота, пока он отправится в экспедицию: однокурсник. Не друг.

– Никаких, если их можно избежать. Семья, естественно, – исключение. Еще у меня есть соседи, однокурсники и знакомые, но они ими и остаются.

Абсолютно никаких друзей, вот что это означает. Как невероятно печально.

– Но... – «Разве в депрессию не впадаешь как раз из-за отсутствия друзей?» – вертится у меня на языке, хотя это прозвучит так, будто я обвиняю его в депрессии. Лучше сформулирую вопрос по-другому. – Почему нет? Не похоже, чтобы тебя было особенно тяжело полюбить.

Он улыбается редкой полной улыбкой, которая неизбежно посылает совершенно неуместный сигнал мне в живот. Внутри растекается тепло и ощущается приятное покалывание, в то время как клетки моего мозга оживленно обсуждают, что ему нужно чаще так улыбаться и как заставить его это делать. Оппозиция окончательно растеряла позиции со слабым возражением: «Алло! Может, вернемся к главной теме? Потому что это не романтично, а жутко грустно».

– Но мне тяжело любить других, – произносит Седрик, его улыбка гаснет, и у меня в голове и в животе воцаряется мертвая тишина. У оппозиционных клеток мозга хватает приличия воздержаться от комментариев.

Что-то вызывает у меня дискомфорт. Я просто не могу себе этого представить. То, что он сейчас говорит, не сочетается с тем, что он делает.

– Депрессивное расстройство, – объясняет он, – не протекает по прямой. Скорее волнами. Самые сильные волны называют депрессивными эпизодами. Я называю их грозами. В такие моменты большая часть того, что я чувствую, как бы блокируется. И тогда становится очень сложно заботиться об окружающих. Видеть их, по-настоящему видеть. Или даже поддерживать их. Очень немногим нужны друзья, которые будут рядом, только когда им удобно и удачно сложились обстоятельства.

– Ну да. Но если знать, что это непреднамеренно, а... – Я не заканчиваю предложение. Это слово звучит так технично, так... по-врачебному. Оно не подходит Седрику, и на миг я предаюсь иллюзии о том, будто можно заставить что-то исчезнуть, если не произносить. Пусть с Волан-де-Мортом не сработало, но в моем случае вообще без проблем.

– У тебя когда-нибудь было ощущение, словно то, что ты осознаешь, резко контрастирует с тем, что ты чувствуешь?

Прямо сейчас, думаю я, когда он поднимает глаза и наши взгляды встречаются. Прямо сейчас это ощущение меня почти убивает.

– Итак? Может, хочешь десерт?

СЕДРИК

– Что? – Билли смотрит на меня в легком замешательстве, которое возникает только от абсурдной перемены темы, и я уже не в первый раз за сегодня запинаясь из-за собственной беспомощности. После ситуации с Крис я поклялся самому себе, что буду рассказывать всем женщинам чистую правду, поскольку нельзя, чтобы однажды все снова пошло не так. То, что я не козел, – не пустые слова; я терпеть не могу быть козлом. Следующая затем плохая фаза давит на это до тех пор, пока у меня не появляется желание умереть от стыда, чего, как назло, не происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.